

Очерк второй

КУРБАШИ

За боевые подвиги при разгроме ряда крупных басмаческих отрядов, действовавших на территории Наманганского уезда, комбриг В.А. Синицин был награжден орденом Красного Знамени. Синицин готовился к выезду в Москву, получить высокую награду из рук Михаила Ивановича Калинина. Но выехать туда ему не удалось. Басмаческие шайки Рахманкула, Баястана, Султана и Дадабая в горном ущелье Чадак-Су окружили один из полков второй дивизии. В неравном бою погиб командир полка <...>

Свободных от дела воинских частей не было. Комбриг сформировал полусотню из писарей, телефонистов штаба и хозкоманды и выступил в Гурум-Сарай; там взял батальон пехоты и устремился на выручку окруженного полка. Приказав батальону двигаться по дороге на кишлак Чадак, комбриг с полусотней бойцов форсированным маршем пошел вперед к зимовке Ханабад. Но его обнаружили басмаческие разведчики и донесли Рахманкулу. Враг устроил в зимовке засаду. Когда бойцы подошли вплотную к дувалам, по ним открыли сильный огонь, сразив первым же залпом половину отряда <...>

С остатками отряда Синицин укрылся в караван-сарайе и занял круговую оборону, в надежде продержаться три-четыре часа, пока подойдет батальон пехоты.

Но батальон в Ханабад не прибыл, и вот почему: воспользовавшись полевой сумкой убитого адъютанта комбрига, белогвардейский офицер Войцеховский, находившийся при банде Рахманкула, сфабриковал предписание комбригу, подделав подпись Синицина, направил батальон в горы, в противоположную сторону.

— Товарищи! — услышали бойцы голос комбрига, — будем обороняться, берегите патроны. Гранаты метать только по скоплениям басмачей. Надо продержаться часа три <...>

Рахманкуловцы вели огонь из-за дувалов и с крыш кибиток. Вдруг, словно по команде поднялся страшный крик и вой, стрельба усилилась и сразу же со всех сторон к стенам караван-сарая полезли озверелые толпы <...>

В течение дня басмачи бросались на приступ караван-сарая, но каждый раз откатывались с потерями <...>

В полночь на северной окраине кишлака слышались шум, громкие отрывистые крики и ругань. Затем откуда-то с высоты донесся властный гортанный голос. Стрельба со стороны басмачей сразу же прекратилась.

В тишине на чистом русском языке кто-то крикнул:

— Эй, там, в караван-сараяе! Сейчас с вами будет говорить господин поручик Войцеховский!

Кто-то из бойцов выстрелил на крик. Потом забасил Войцеховский:

— Красноармейцы и вы, господин штабс-капитан Сеницин! По поручению курбаши Рахманкул-бека к вам обращается офицер русской армии. Рахманкул-бек дает вам на размышление пятнадцать минут. Если вы сложите оружие, он обещает сохранить вам жизнь, а желающих примет в свою армию!

— Гранату! — шепнул Сеницин <...>

Сбросив шинель, комбриг вырвал чеку и с силой метнул гранату на крышу противоположного дома, откуда доносился голос Войцеховского. В стане басмачей закричали, раздались хлопки выстрелов. Голоса Войцеховского больше не было слышно.

Подгоняемые курбаши, басмачи плотную облепили караван-сарай и, выкрикивая «Алла-а, Уу-ур!», полезли на стены. Две атаки отбили гранатами, но запас гранат у красноармейцев иссяк. Басмачи проломали стену в конюшне и ворвались во двор.

— Отходить в кибитку! — приказал комбриг и схватился рукой за плечо, пуля пробила левую ключицу <...>

Забаррикадировав окна и дверь сундуками, кошмами, седлами и другим хламом, оказавшимся в кибитке, бойцы приготовились к бою... Комбриг окинул взглядом товарищей. С ним оставалось всего четырнадцать

храбрцев: два из них тяжело и один легко ранены, остались две гранаты и по двадцать патронов на винтовку. Наган с семью патронами Синицин держал для самого критического момента. Люди сутки не ели, не было воды, хотели пить, но об этом смертельно усталые бойцы молчали...

Время шло мучительно медленно. Синицин прилег в углу <...> Комбриг лежал с закрытыми глазами. Вдруг он тихо запел:

«Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...
Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”,
Пощады никто не желает...»

Басмачи не стреляли, решив, очевидно, что перед смертью русские поют молитву.

Вскоре в комнате запахло дымом. Басмачи набросали на крышу сухой клевер и, обложив заднюю стенку янтасом и колючкой, подожгли.

— Товарищи коммунисты! Подсаживайтесь поближе, проведем партийное собрание, — вдруг взволнованно объявил Сомов.

— Ты что, Сомов? — спросил Синицин.

— Решил, товарищ комбриг, провести, может быть, последнее партийное собрание!

— А... ну что-ж. Я, как беспартийный, отодвинусь в уголок...

— Не отодвигайтесь, товарищ комбриг. О Вас будем решать вопрос.

— Обо мне?! — приподнимаясь, спросил Синицин и внимательно посмотрел на Сомова.

К секретарю партячейки подсели еще два коммуниста.

— Товарищи! На повестке дня один вопрос: прием комбрига Синицина в нашу славную Коммунистическую партию...

Приподнявшись, Синицин облокотился о стенку и смотрел на Сомова, а тот продолжал:

— Полгода назад мы не приняли его в партию... Это была очень досадная и грубая ошибка. Мы плохо знали своего командира бригады. Теперь всем ясно, что представляет собой Василий Алексеевич Синицин! Я предлагаю принять его в Коммунистическую партию.

— Правильно! — поддержал Мезенцев.

— Правильно! — согласились все коммунисты.

— Кто за то, чтобы комбрига Синицина принять в Коммунистическую партию, прошу голосовать, — предложил Сомов.

Все четыре коммуниста подняли руки.

— Синицин Василий Алексеевич принят в партию единогласно. Собрание считаю закрытым, если живы будем, оформим... — закричал Сомов и тише добавил, — если выберемся из этой западни <...>

Синицин растроганно обнял Сомова и сказал:

— Спасибо, друзья, за доверие, умереть коммунистом будет легче!

За углом караван-сарая басмачи сложили несколько кучек сухого клевера и старые ватные одеяла, подожгли их и шестами стали подвигать к окнам и двери.

Камыш на крыше воспламенился. Загорелась терраса, дверь. Кибитка наполнилась удушливым дымом, бойцы задыхались, особенно страдали раненые. Синицин, протерев глаза, заглянул в бойницу. Двор наводнили басмачи <...>

— Товарищи! — обратился комбриг к бойцам. — Мы честно выполнили свой долг. Единственное, что нам осталось, подороже отдать свою жизнь...

— Коммунисты, вперед! — Комбриг ударом ноги выбил обгоревшую дверь и первым выскочил во двор, вскинув руку с последней гранатой.

Одиннадцать бойцов метнулись за ним с винтовками на перевес. Комбриг бросил гранату и с криком «Ура-а!» ворвался в самую гущу басмачей, разя их клинком <...> Вырвавшаяся из огня и дыма горстка храбрецов в окровавленных повязках привела басмачей в панический ужас, они с воплями «алла-а» кинулись к раскрытым настежь воротам. Но в это время в обширный двор караван-сарая ворвался с «янычарами» Рахманкул. Он приказал растерзанных воинов бросить в горящую кибитку.

Часа через три к месту боя из Коканда прибыл кавалерийский дивизион. Дивизион окружил и нанес поражение банде Рахманкула.

Обугленные трупы героев-синицинцев нашли в сгоревшей кибитке. Останки Синицина, бережно уложенные в наспех сколоченный гроб, доставили в Коканд. С воинскими почестями, под артиллерийский салют, похоронили в Кокандском парке героя Гражданской войны —

комбрига Василия Алексеевича Синицина, и рядом с ним похоронили его боевых друзей.

Это весьма красочное описание одного из эпизодов борьбы с анти-советским сопротивлением в Средней Азии в 1918—1923 годах, известным как басмаческое движение, я нашел в рассказе Сергея Калмыкова «Комбриг Синицин», который был опубликован в 1963 году в сборнике «За Советский Туркестан»¹. Автор — участник этой борьбы, член Особого отдела (специальный орган в войсках, подчинявшийся ВЧК) дивизии, в будущем работник НКВД Узбекской ССР — анонсировал свой рассказ («волнующий очерк старого чекиста», по характеристике в предисловии к книге) как воспоминание.

В 1950—1970-е годы жанр таких воспоминаний стал необычайно популярным и даже потеснил академические исторические исследования. В это же время рос весьма своеобразный интерес советской публики к романтике Востока и Гражданской войны, где, возможно, многие искали какую-то утерянную в сталинские годы истину. Именно на это время пришелся расцвет советских «истернов» — приключенческих фильмов о борьбе с басмачеством, в которых советская риторика легко соединялась с ориенталистской экзотикой и разбавлялась трюками каскадеров, мужественными лицами героев и крылатыми фразами вроде «Восток — дело тонкое». Фильмы «Белое солнце пустыни» (1969, режиссер В. Мотыль), «Седьмая пуля» (1972, режиссер А. Хамраев), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974, режиссер Н. Михалков) приобретали миллионы поклонников и вытесняли в сознании людей прежние любимые образы — Чапаева и Максима².

История гибели комбрига Синицына (Синицина)³ принадлежала к той же ностальгически-кинематографической проекции (имевшей

¹ Калмыков С.В. Комбриг Синицин // За Советский Туркестан (сборник воспоминаний) / А. Зевелев (ред.). Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1963. С. 171—176.

² Prusin A., Zeman S. Taming Russia's Wild East: the Central Asian historical-revolutionary film as Soviet Orientalism // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2003. Vol. 23. № 3. P. 259—270.

³ Если верить тому же Калмыкову, Синицын родился в 1886 году в семье богатого московского купца, учился в коммерческом училище, в духовной семинарии, потом

к тому же коммерческий успех) настроений позднего социализма на романтическое раннесоветское прошлое. Подозрение, что Калмыков не столько вспоминал, сколько придумывал, откликаясь на эти настроения, возникает уже во время чтения написанного им текста. Вместо сухого изложения событий мы видим довольно художественное описание, с диалогами и даже размышлениями героев повествования. Первый и самый естественный вопрос: если все участники боя в караван-сараях погибли, то откуда известно, что они говорили и делали?

Однако помимо художественного вымысла, возможно и неизбежного в любых воспоминаниях, в рассказе Калмыкова есть сведения, которые не подтверждаются другими источниками. Например, в рассказе местного ферганского жителя Расулджана Мадаминова, опубликованном в 1957 году в сборнике «В боях за Советскую власть в Ферганской долине», мы находим такую историю⁴:

В 9 км от Ашабы главарь другой басмаческой банды Рахманкул построил крепость. Она находилась среди гор и была почти неприступной. Секретные малоопасные подходы к крепости были известны только нескольким ближайшим его соратникам, а также влиятельным баям Ашабы. Рахманкул имел большие запасы военного снаряжения и продовольствия, достаточные в случае войны на три года. Банда насчитывала более 1500 человек и была вооружена английскими винтовками.

в офицерской школе, откуда вышел в чине поручика на службу в гвардейский полк, но «за провинность» был разжалован в прапорщики и назначен в пехотный полк в Читу, воевал на фронтах Первой мировой с 1914 по 1917 год и дослужился до чина штабс-капитана, в феврале солдаты выбрали его в полковой комитет, потом служил в Красной армии, воевал на колчаковском фронте и дослужился до должности начальника штаба бригады. В партии он, судя по всему, не состоял (*Калмыков С.В.* Комбриг Синицин. С. 162, 163).

⁴ *Мадаминов Р.* Кокандские события // В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны 1917—1923 гг. / *Х. Турсунов* (отв. ред.). Ташкент: АН УзССР, 1957. С. 13, 14. Почти дословно, но без ссылки на Мадаминова, этот рассказ был воспроизведен в книгах: *Шамагдиев Ш.А.* Очерки истории Гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент: АН УзССР, 1961. С. 239, 240; *Иржаев М.* История Гражданской войны в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1971. С. 116. Последний, правда, увеличил численность отряда Рахманкула с 1,5 до 2 тыс. человек.

Ближайшими помощниками были пять его братьев. В 1921 г. против Рахманкула вышел отряд красноармейцев в количестве 65 бойцов. После упорного боя они остановились на ночлег в мечети Ашабы. Ночью банда Рахманкула окружила мечеть и сожгла ее. Все 65 красноармейцев, героически защищаясь, погибли от рук палачей.

В августе 1922 г. штаб Туркестанского фронта бросил против Рахманкула крупные военные силы <...> Бои между советскими войсками и бандой Рахманкула продолжались 16 суток. Наконец банда Рахманкула была разгромлена. Большую помощь советским войскам оказали местные жители Ашабы, которые показали красноармейцам секретные подходы к крепости. В этих боях принимала участие авиация. После ожесточенных кровопролитных боев Рахманкул покинул крепость и скрылся. В октябре 1923 г., поняв безвыходность своего положения, он с 40 джигитами и 4 палачами сдался советским войскам.

Это слишком краткий рассказ, но история о том, как курбаши Рахманкул сжег красноармейцев, скорее всего, была основана на тех же событиях, о которых написал Калмыков. Правда, они происходили не в Ха-набаде (это кишлак в Наманганской области нынешнего Узбекистана, на границе с Аштским районом Таджикистана), а в Ошобе; красноармейцы, которых было не пятнадцать, а шестьдесят пять, гибли не в «кибитке», а в мечети, и к тому же ни слова не было сказано о комбриге Синицыне. Что еще бросается в глаза в этом рассказе — явный интерес к Рахманкулу, к тому, как было организовано его войско, как построена его крепость, как он со своими сторонниками упорно сопротивлялся Красной армии. Даже упоминание сорока бойцов-джигитов, явно мифологического числа⁵, придавало фигуре Рахманкула ореол легендарности, несмотря на дежурные фразы о палачах и банде (которые могли быть вставлены редактором книги). Автор воспоминаний сам был на стороне Красной армии и участвовал, как он писал, в боях с войском Рахманкула, но тем не менее с позиции местного жителя он помнил, точнее, оценивал историю явно иначе, чем это делал Калмыков.

Следующую, более подробную версию этих событий можно найти в том же сборнике воспоминаний «В боях за Советскую власть в Ферган-

⁵ См. Очерк 1.

ской долине» у другого участника борьбы с басмачеством — Арменака Арутюнова⁶:

Однажды, когда мы стояли в Намангане, наш Кокандский крепостной и Наманганский эскадроны получили приказ выступить в кишлак Ашава. Мы выехали под командованием командира кавалерийской бригады т. Ушакова.

По приезде в Ашт Ушаков, собрав комсостав, объяснил, что в Ашаве идет крупный бой против басмача Рахманкула, бой ведет горная бригада Синицына. Мы немедленно выехали на помощь Синицыну, горная бригада которого была окружена в Ашаве бандой Рахманкула и его брата.

Кишлак Ашава, расположенный в горах, состоял как бы из двух частей — верхней и нижней. В нижней части располагались бойцы Синицына, верхняя часть была в руках басмачей. Мы шли без остановки всю ночь. На рассвете наш передовой отряд достиг первых басмаческих позиций. Бой шел в самом кишлаке. Жителей не было видно.

Басмачи почти вытеснили бойцов Синицына из кишлака; небольшая часть бригады вместе с командиром осталась в окружении. Нам было трудно подойти к кишлаку, так как он был плотно оцеплен басмачами. Их было больше 1500 человек. Мы решили пройти в кишлак обходным путем, соединиться с Синицыным с левой и правой сторон. Когда наконец мы с боем пробилась в кишлак, басмачи, видя, что ситуация изменилась, были вынуждены оттянуть свои войска с нижней части кишлака в верхнюю. Превратив в крепость каждый дом, басмачи сопротивлялись очень упорно. Шаг за шагом, с большими потерями освобождая переулки и улицы, мы добрались до смельчаков из горной бригады.

Комбриг Синицын был уже убит. Его тело охраняли 12 красноармейцев. Они засели в трех домах, находившихся почти в центре кишлака, и, несмотря на то, что были со всех сторон окружены бандитами, в несколько раз превосходившими их в числе, отчаянно боролись, не желая отдавать трупа своего командира на поругание басмачам. Вражеское кольцо, однако, было настолько плотным, что красноармейцы не смогли вырваться из окружения и вывезти тело Синицына. Видя, что красноармейцы не сдаются, басмачи облили одеяло керосином, подожгли его

⁶ Арутюнов А. За горные кишлаки // В боях за Советскую власть. С. 69, 70.

и бросили во двор дома, в котором укрывались красноармейцы. Загорелась часть дома. Красноармейцы не сдавались — бились до последнего патрона. Освобождая дом за домом, мы подошли к дому-крепости, в которой укрылись 12 красноармейцев, и освободили их. Оказалось, что они сражались уже несколько дней, не имея ни пищи, ни воды (по двору этого дома протекал арык, но красноармейцы не имели возможности им пользоваться, так как басмачи запрудили его).

Мы продолжали бой. Наши красноармейцы показывали чудеса храбрости: захватить очередной дом — значило вести настоящее сражение. Наконец, в результате непрерывных трехдневных боев нам удалось очистить кишлак от басмачей. С большими потерями басмачи отступили в горы и направились в Баба-Яб⁷.

Как только бой прекратился, мы с почетным караулом отправили полуобожженное тело Сеницына в Коканд. Он был похоронен в городском сквере.

В этом рассказе речь шла тоже о бое в Ошобе, как и у Мадаминова⁸, но при этом некоторые существенные детали совпадали с «воспоминаниями» Калмыкова. Прежде всего, говорилось именно о Сеницыне и двенадцати красноармейцах (у Калмыкова их четырнадцать), о том, что они забаррикадировались в кишлаке и отстреливались от нападавших на них со всех сторон басмачей, о том, что последние пытались поджечь дом, и о том, что именно в этом бою Сеницын погиб, после чего был торжественно похоронен в Коканде. Впрочем, кроме места, где все это происходило, имелось и другое расхождение с версией Калмыкова — погибшим оказался только комбриг, а двенадцать его красноармейцев были спасены. В отличие же от Мадаминова, Арутюнов в своей памяти держал действия «наших красноармейцев», и его не очень волновали Рахманкул и вообще басмаческая сторона, хотя в его сухом изложении не было и каких-то уничижительных характеристик в их адрес, как у Калмыкова.

⁷ Бойоб-бува — самая верхняя точка Кураминского хребта (см. Очерк 8). В тексте имеется в виду, что повстанцы ушли далеко в горы.

⁸ Впрочем, в книге Ш. Шамагдиева два эпизода, рассказанные Арутюновым и Мадаминовым, упомянуты как разные события (*Шамагдиев Ш.А. Очерки истории Гражданской войны. С. 239, 240*).

Рассказ Арутюнова по жанру очень напоминал донесение полковника Пичугина, который в ноябре 1875 года точно так же брал штурмом Ошобу⁹. Сходство этих двух текстов просто поразительное, хотя события 1921 года по масштабу и длительности были, безусловно, трагичнее событий полувековой давности. Мы читаем те же слова о каждом доме, который приходилось брать штурмом, о яростном сопротивлении противника и храбрости идущих в наступление¹⁰. Арутюнов видел произошедшее в 1921 году теми же глазами, что и Пичугин или имперский историк Терентьев, для которых жестокость победителей без всякого сомнения оправдывалась высокой целью и жертвами со стороны штурмующих. Словно под копирку имперского нарратива, Арутюнов прочитывал трагическую гибель советского командира как мученичество, служащее оправданием права наказать виновных. Торжественное захоронение большевика-мученика — очень популярный в раннесоветское время ритуал — символически закрепляло эту новую легитимность¹¹.

Три истории, получившие в советское время официальный статус воспоминаний и прошедшие формальную цензуру, демонстрируют, таким образом, три вида памяти и три разных способа прочтения гибели Синицына от рук повстанцев, возглавляемых Рахманкулом. Все три версии противоречат друг другу, путают факты или явно их фальсифицируют, акцентируют разные детали и символы. Каждая версия отражает особенности личной биографии ее автора, особенности его мировосприятия, жизненного опыта, интересов и тактики воспоминания. Каждая история имеет свою логику, свой политический, исторический и культурный контекст — свою аудиторию, чаще предполагаемую, нежели реальную, к которой осознанно или неосознанно обращается тот или иной бывший участник борьбы за установление советской власти

⁹ См. Очерк 1.

¹⁰ Как утверждает Иркаев, этот штурм состоялся тоже в ноябре — 21—23 числа (Иркаев М. История Гражданской войны в Таджикистане. С. 117).

¹¹ В 1875 году, когда российские войска вторглись в Кокандское ханство, в такой же роли мученика выступил простой солдат Фома Данилов, жестоко казненный кокандцами. См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб.: [б.и.], 1906. Т. 2. С. 389; Серебренников А. К истории кокандского похода (статья четвертая) // Военный сборник. 1901. № 9. С. 54—55; Достоевский Ф. Фома Данилов, замученный русский герой // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Наука, 1995. Т. 14. С. 14—19.

в Средней Азии. Рассказ Калмыкова эксплуатирует романтику большевистского мужества, у Мадаминова читатель может почувствовать восхищение силой противника, что увеличивает цену победы над ним, рассказ Арутюнова воспроизводит клише имперского завоевания. При этом все они остаются в рамках легитимного советского нарратива.

В самом процессе вспоминания я вижу две тенденции. Первая — это стремление через память, через конструирование прошлого создать пространство общих значимых символов, поместить время в определенные координаты, которые диктовали бы разделяемые всеми смыслы, ценности, способы легитимации. 1917 год и Гражданская война, в нашем случае — борьба со среднеазиатским басмачеством, маркировались как важный временной разрыв, конец одной истории и начало другой. Обращение к личным воспоминаниям наполняло эти идеологические схемы живыми голосами и тем самым еще больше усиливало эффект сопричастности и сопереживания.

Вторая тенденция, которая особенно интересна для меня, — это желание самих людей встроить в пространство общих символов свои собственные представления, интересы, жизненный опыт и сделать их значимыми или по крайней мере принятыми обществом. Это произошло потому, что высшая власть, которая вроде бы имела безусловную возможность диктовать какую-то одну позицию, во-первых, сама не имела такой единственной позиции и постоянно пересматривала свои идеологемы, а во-вторых, была не в состоянии контролировать идеологические рамки исключительно с помощью репрессий и оказывалась вынуждена допускать или пропускать разные точки зрения в создаваемом дискурсивном пространстве, требуя взамен лишь выражения лояльности. Три рассказа, упомянутые выше, демонстрируют как раз такие разные попытки высказаться об одном из эпизодов Гражданской войны в Средней Азии в начале 1920-х годов.

Рассматривая версию событий со стороны тех, кто боролся с басмачами, и тех, кто приходил в Ошобу, чтобы установить свою правду о прошлом, закономерно задаешь себе вопрос: а что думают сами ошобинцы о тех событиях, как они помнят их? В первом очерке я уже писал о том, как разные нарративы конкурируют и сосуществуют, предлагая свое описание и свою интерпретацию событий 1875 года, когда Ошоба

была взята штурмом и сожжена войсками царского генерал-губернатора. И тогда я обратил внимание читателей на то, что помимо имперского и национального нарративов, которые стремятся к доминированию, живет локальный нарратив — «подчиненная» история прошлого, рассказанная самими ошобинцами с местной точки зрения на окружающий мир. В данном очерке я собираюсь прислушаться к тому, как жители Ошобы говорят о периоде 1916—1922 годов, когда в кишлаке правил курбаши Рахманкул. Мне интересно, кем себя видел сам Рахманкул и каким его видели современники. Мне интересен также вопрос, как отсылка к Рахманкулу и принадлежности к его басмаческому войску служила инструментом местной политики после Рахманкула и как такая отсылка влияла на социальные позиции в Ошобе. Интересен, наконец, вопрос, как формируется в ошобинском сообществе собственное воспоминание о прошлом и как это воспоминание ищет способы своей легитимации. Данные, которые я собрал по этому поводу, заведомо неполны и противоречивы — но они позволяют, как мне кажется, проанализировать некоторые важные черты местной жизни.

Как стать курбаши?

В одном из документов 1922 года говорилось: «Рахманкул по происхождению — таджик [!!], совершенно неграмотный человек, бывший конный караульщик Ашабинской волости [!!], а затем помощник арычного аксакала. Очень хитрый и вероломный человек, ненавидит русских»¹². В другой книге, написанной гораздо позже, Рахманкул превратился в «бывшего полицейского», что, конечно, выглядело гораздо более зловеще и красноречиво, чем караульщик¹³. В первом случае ошибки в определении национальности и в названии волости дополняли непривлекательные черты, какими они виделись тогдашнему советскому чиновнику, во втором случае социальная характеристика становилась главным обвинением и объяснением чуждости. Эти оценки вытекали

¹² Цит. по: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 180, 181.

¹³ За Советский Туркестан. С. 566.

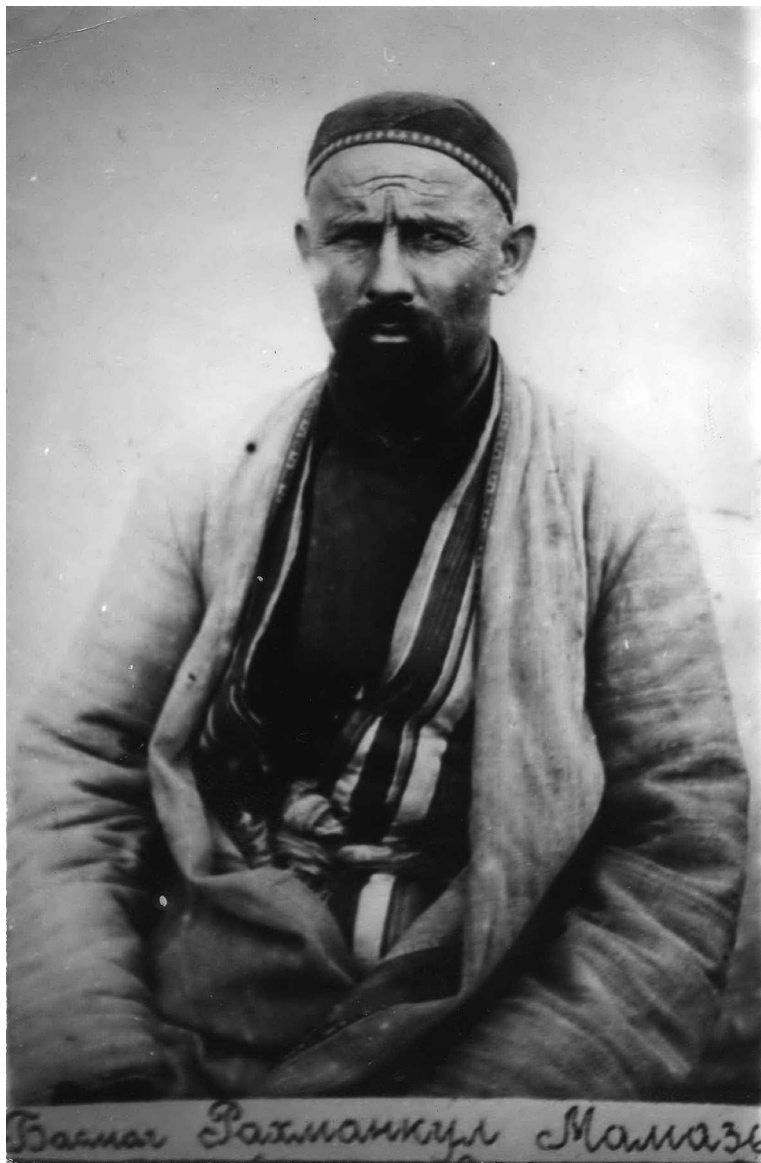
из официально-негативного отношения советской власти к басмачеству и его лидерам.

Теперь посмотрим, как ошобинцы помнили биографию Рахманкула и оценивали его деятельность. В их глазах курбаши не являлся ни человеком, одержимым исключительно идеями борьбы с русскими или большевиками, ни чужаком в национальном или каком-то ином, социальном смысле. Будущий курбаши происходил из семьи Махмарозыка (Мухаммад-Розыка), или Абдурозыка, из Катта-Урта-махалли, который был, по одним воспоминаниям, обычным крестьянином, по другим — муллою. До 1917 года, по разным сведениям, Рахманкул работал охранником (*қорровуи*) при ошобинском аксакале, выполнял обязанности почтальона, работал извозчиком в Намангане. Вспоминали также, что он хорошо играл в козлодрание-улак (*улоқ*), популярное состязание, которое демонстрировало физические качества молодого человека, делало его известным в селении и позволяло организовать команду — пока еще спортивную — сторонников¹⁴. К моменту, когда его имя стало известно, Рахманкулу было около 30 лет (Илл. 5).

Возвышение Рахманкула в различных воспоминаниях интерпретировалось по-разному. По словам ошобинцев, еще до революции на кишлак часто делал набеги некий басмач Умаркул из Коканда, поэтому однажды Рахманкул собрал людей в местечке Чинар-бува¹⁵ и предложил им организовать для защиты Ошобы — это произошло где-то в 1914 году; постепенно он со своим войском разгромил все конкурирующие группировки басмачей в Бабадарханской и Аштской волостях и стал самым сильным военным лидером (Илл. IV). В этом рассказе популярность Рахманкула объяснялась интересами местного сообщества, необходимостью защиты последнего от чужаков и задачей борьбы с конкурентами. В историях о Рахманкуле упоминались, в частности, соперники из

¹⁴ Конно-спортивное состязание, во время которого всадники, разбившись на команды, пытаются доскакать до финиша, удержав тушу козла (см.: *Юлдашев С.* Узбекские обычаи: улак (купкари) // *Этнический атлас Узбекистана* / А. Ильямов (отв. ред.). Стамбул; Ташкент: ИООФС-Узбекистан; ЛИА «Р. Элинина», 2002. С. 339—351). Козлодрание обычно проводилось вместе с пиршествами, его организовывали на площади в верхней части кишлака — там же, где происходили все общие мероприятия ошобинцев и где потом была построена школа им. М. Горького.

¹⁵ См. Очерк 8.

Илл. 5. Рахманкул-курбаши, 1922 г., после ареста

Пангаза (курбаши Аширмат), то есть из сообщества, выступающего, как мы помним¹⁶, в качестве локального «инога», отношения с которым становятся способом объяснения событий прошлого¹⁷. Я слышал в одном интервью, что отряд Рахманкула первоначально состоял из сорока человек — в данном случае это число было способом мифологического прочтения и легитимации событий. Один ошобинский житель, который считал себя коммунистом, в своем рассказе подчеркивал, что Рахманкул был из бедной семьи — он возглавил группу молодых людей, чтобы бороться с бандитами и защищать Ошобу, брал деньги у богатых и отдавал их бедным. Здесь мы видим уже идеологическую советскую риторику, с ее помощью Рахманкул, с которым советская власть боролась, неожиданно трансформируется чуть ли не в идейного сторонника большевиков.

Во всех этих трактовках Рахманкул вовсе не был изначальным противником колониальной власти. Последняя не могла в полной мере осуществлять полицейские функции, поэтому вынуждена была создавать в помощь «туземной» администрации постоянные или временные отряды из местного населения, которым поручала следить за порядком. В городах и крупных селениях именно с подачи этой самой колониальной власти были назначены курбаши (*қўрбоши*), начальники таких отрядов, получавшие официальное жалованье и подотчетные уездным начальникам¹⁸. Можно предположить, что молодой Рахманкул, происходивший из семьи, которая не имела много земли и скота, служил в таких отрядах, стараясь заработать на жизнь, и, возможно, поддерживал какую-то из ошобинских группировок, выполнял поручения сельского старосты и местных пятидесятников¹⁹. У него была, иначе говоря, довольно обычная для Ошобы биография.

Указ Николая II о наборе на фронт жителей Средней Азии (которые до этого были освобождены Александром II от обязанности военного

¹⁶ См. Очерк 1.

¹⁷ Аширмат-курбаши (или Ашурмат), видимо, оставался независимым от Рахманкула лидером (см.: *Ахунов И.* Отряд партийной дружины // В боях за Советскую власть. С. 104—106).

¹⁸ Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб.: [б.и.], 1884. С. 79. В Кокандском ханстве курбаши — полицейский чиновник, который следил за порядком в ночное время суток.

¹⁹ См. Очерк 3.

призыва) от 25 июня 1916 года вызвал цепную реакцию восстаний и бунтов. Уже 4 июля произошли беспорядки в Ходженте. 17 июля, как свидетельствуют архивные данные, в селении Ашт толпа местных жителей напала на дом волостного управителя Мухаммад-Садыка Алимбаева, полностью разгромила и разграбила его, сожгла все списки о сборах налогов и другие документы. При этом были убиты брат и дядя управителя. Был убит также старшина сельского общества Верхний Ашт. В тот же день в соседнем селении Пунук жители напали на своего старшину и его писаря, избивали их и сожгли дом старшины, был убит пятидесятник, который пытался уговорить толпу разойтись. Погромы произошли также в Джар-булаке, где был сожжен дом волостного управителя. Российская власть быстро отреагировала — были введены военные силы и арестованы десятки активных участников погромов²⁰. Это позволило прекратить погромы и убийства, но не успокоило страсти — люди продолжали выражать недовольство²¹.

Хотя погромы, прокатившиеся по всему региону, затронули переселенческое русское население (особенно в Семиречье) и провели четкую границу между колониальной властью и местными мусульманами, главными пострадавшими в Ферганской области и Аштской волости были, как мы видим, вовсе не колонизаторы, а представители низового («туземного») чиновничьего звена и их родственники. Именно в руках последних оказались мощные инструменты давления — право составлять списки призывников и реквизировать имущество. Сложившийся баланс интересов и сил в разных общинах был нарушен, что вызвало насильственное сопротивление со стороны тех, кто чувствовал себя ущемленным. Указ царя спровоцировал, таким образом, серьезный раскол внутри общества — обострились старые противоречия между различными конкурирующими группировками и появились новые линии разлома и недовольства. Насилие вернулось в повседневную практику как способ решения проблем и накопления социального и материального капитала.

²⁰ ЦГА РУз, ф. 276, оп. 1, д. 902. Л. 41, 42. См. также: Доклад Ферганского военного губернатора Иванова. Декабрь. 1916 г. // Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник документов. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. С. 62.

²¹ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 21380. Л. 1—2.

Я не видел документов, рассказывающих о каких-то столкновениях в Ошобе в 1916 году. По устным рассказам, Одина-аксакал, который, возможно, был сельским старшиной, спрятался во время волнений и остался жив. Но в сводках о происшествиях за апрель 1917 года я нашел такую запись²²:

В доме жителя сел. Ашаба Аштской волости Муминбая Абдувахиб-баева произошел пожар, убытку пожаром причислено приблизительно на 2000 рублей. Заподозренные в поджоге жители сел. Ашаба Тешабай Курбан-Назаров и Каюмбай Ашур-Мухамедов сданы на поруки.

Эта вроде бы обычная уголовная заметка несет в себе важную информацию. Дело в том, что упомянутый в ней Муминбай Абдувахиббаев — это Муминбай-аксакал Абдувахидов, бывший пятидесятник и затем сельский старшина Ошобы. Вполне возможно, что поджог его имущества тоже имел характер нападения на представителя власти или был мстью за какие-то его поступки.

Есть все основания утверждать, что в 1916—1917 годах в Ошобе разгорелась ожесточенная борьба за власть и лидерство. Ошобинцы вспоминают, что отец упомянутого Муминбая — Абдувахид-хаджи, самый зажиточный ошобинский скотовладелец, будто бы ненавидел Рахманкула и что именно он подговорил кокандского Умаркула убить его, из-за чего Рахманкул вынужден был в течение полугода скрываться в горах. Правда, когда последний собрал отряд для защиты, то не тронул Абдувахиду и его сыновей, потому что они были богатыми и помогали содержать воинов. Более того, дочь Муминбая вышла замуж за Каримкула, брата Рахманкула. По всем воспоминаниям, Муминбай-аксакал оставался достаточно самостоятельной фигурой — и Рахманкул, и советские начальники пытались привлечь его на свою сторону, пока шли боевые действия. В некоторых семейных историях упоминалось, что Муминбай мог отстаивать перед Рахманкулом какие-то свои интересы, ограждать своих родственников от участия в военных действиях.

Были у Рахманкула и другие соперники. Местные истории гласили, что еще в самом начале деятельности Рахманкула, когда отряд самообо-

²² ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 10070. Л. 141 об., 142.

роны только организовывался, на роль ошобинского лидера претендовал Джангир-ходжа (Джахангир), представитель местной знатной фамилии и влиятельной семьи, сын известного Ишанхана²³. Рахманкула, как утверждают, убил Джангира и его брата Турсун-ходжу, якобы из опасения, что народ пойдет за ходжами, а не за ним²⁴. В Ошобе вспоминали также, что представитель еще одной известной семьи — Муллабек, сын Мирходдор-аксакала²⁵, — «устанавливал советскую власть».

К числу противников курбаши относился Дадамат Турсунов — начальник аштской милиции — отряда, который был организован в 1919—1920 годах из числа местных жителей для борьбы с басмачами²⁶ (Илл. 6). Сам Турсунов был примерно того же возраста, что и Рахманкула. По отцу он был родом из соседнего кишлака Гудас. Сестра Турсунова была женой Махсуда, сына Гозыбая, представителя другой могущественной ошобинской семьи²⁷. Конечно, само по себе родство не говорит о каких-то тесных контактах, поддержке или, напротив, нейтралитете — в Ошобе все друг другу приходится родственниками в той или иной степени, но, как я думаю, избирательное упоминание о родстве в устных историях, услышанных мной в кишлаке, указывает на то, что в памяти отложились связи, которые сыграли какую-то важную роль в прошлом. Какую именно роль — этого, видимо, мы не узнаем достоверно никогда. После поражения Рахманкула Дадамат Турсунов поселился в Ошобе, взял себе на правах победителя вторую жену — бывшую жену Каримкула (и дочь Муминбай-аксакала), брата курбаши²⁸.

²³ См. Очерки 3 и 8.

²⁴ От потомков ходжей я слышал версию, что Турсун-ходжа заболел и сам передал лидерство Рахманкулу, который якобы был его доверенным человеком. Возможно, такая интерпретация появилась позднее — как средство избежать нарративного конфликта между ходжами и популярным ошобинским героем.

²⁵ См. Очерк 3.

²⁶ Отряд был немногочисленный, но хорошо вооруженный. Он базировался в селекции Пап, и осенью 1922 года в нем состояло 140 бойцов (ГАФО РУз, ф. 435, оп. 4, д. 12. Л. 164 об.).

²⁷ См. Очерк 3.

²⁸ Позднее Турсунов занимал милицейские должности и был руководителем предприятий в Таджикской ССР. Несколько его сыновей, родившихся в Ошобе, также занимали высокие посты. См. Очерк 4.

Илл. 6. Дадамаг Турсунов с родственниками

Однако у Рахманкула были не только влиятельные оппоненты и соперники, но и не менее влиятельные союзники. Среди его военачальников был, например, Джаркин, сын бывшего волостного управителя Эшмат-мингбаши Ирназарова²⁹. Сестра Рахманкула вышла замуж за Одина-аксакала (1870 г.р.), который, как и его отец Давранбай Исламбаев, представлял еще одну сильную ошобинскую семью³⁰. Правда, как вспоминал сын Одина-аксакала, последний жил в Аксинджате и старался не вмешиваться в дела Рахманкула. Значительным фактором возвышения Рахманкула была поддержка со стороны его братьев. Всего их было у него восемь: пять от его родной матери, три — от другой жены отца. Последние (Абдуджаббар, Абдусаттар, Абдусамат) в басмаческом войске не состояли. Два старших родных брата Рахманкула — Маманозыр и Мамасодык-хальпа — тоже не участвовали в боевых действиях, а Мамасодык

²⁹ См. Очерк 3. Джаркина тоже называли «мингбаши» (начальник тысячи, тысяцкий), он наследовал титул своего отца в виде семейного прозвища.

³⁰ См. Очерк 3.

даже будто бы советовал брату прекратить войну. Но три оставшихся брата — Омонбой, Турсунбой и Каримкул — были командирами в войске Рахманкула. Особенно запомнился ошобинцам Каримкул — как самый жестокий командир, которого все боялись.

Все приведенные свидетельства, конечно, не дают полной и ясной картины того, что происходило в ошобинском сообществе в 1916—1922 годах, однако они позволяют утверждать, что Рахманкул не был единоличным диктатором в кишлаке. Его власть опиралась на поддержку влиятельных семей, и она имела, как и любая власть, свои пределы — своих оппонентов и недовольных, которые могли бросить вызов курбаши.

Экспансия за пределы Ошобы

По мере того как военная мощь Рахманкула усиливалась, его власть и влияние распространялись на соседние кишлаки и затем на более отдаленные регионы. Ошобинский лидер вступал в контакты со многими людьми и с целыми сообществами.

Ничего не известно о том, как Рахманкул относился к учрежденному в Коканде в начале 1918 года правительству Туркестанской автономии, как он воспринял ее разгром большевиками. Однако уже, видимо, в том же 1918 году бывший ошобинский охранник, возглавивший отряд самообороны, стал рассматривать свою деятельность как участие в общеферганском движении против советской власти. Рахманкул активно контактировал с главой ферганских повстанцев Мадаминбеком, признавал его первенство, приезжал на совместные совещания и координировал с другими басмаческими лидерами свои военные планы³¹. Весной 1919 года он участвовал в совместном нападении повстанцев на старую часть Намангана. Войско Рахманкула действовало на большой территории, которая кроме Кураминских гор и предгорных кишлаков включала в себя многочисленные селения вплоть до города Чуста — западную часть Наманганского уезда³², а также долину Ахангарана.

³¹ Туркестан в начале XX века. С. 215, 216, 226.

³² Восточную часть того же уезда контролировал другой известный курбаши — Аманпалав, который был пойман и расстрелян большевиками в 1923 году.

Со временем войско Рахманкула стало включать в себя не только ошобинцев, но и жителей других селений. В его подчинение входили другие курбаши со своими отрядами. Например, один из документов 1922 года перечисляет некоторых из них³³:

Чустский Райревком 2-го марта донес, что из Рахманкульских курбашей: 1. Абдусаттар, 2. Баба-ходжа пансат³⁴ [Бува-ходжа-пансад], 3. Аман-аксакал³⁵, 4. Ирмухамед пансат, 5. Абдумутталиб юзбаши³⁶, 6. Кичкина Иргаш.

Информации о том, кто они и откуда, у меня немного, так как жители Ошобы, с которыми я разговаривал, не очень ориентируются в карте социальных связей за пределами своего кишлака³⁷. Из перечисленных фигур больше всех запомнился ошобинцам Бува-ходжа³⁸, один из ближайших соратников Рахманкула. Откуда он был родом — мои собеседники не могли прийти к согласию, но все говорили, что он, во-первых, женился на дочери уже упоминавшегося мной Одина-аксакала и стал, следовательно, родственником Рахманкула, а во-вторых, убил Абдусаттара-юзбаши, одного из местных жителей — сподвижников курбаши (видимо, его имя названо первым в списке). Бува-ходжу помнят еще и потому, что он скрывался в горах вплоть до конца 1930-х, и убить его удалось только, согласно местным преданиям, из-за предательства жены-

³³ ГАФО РУз, ф. 435, оп. 1, д. 145. Л. 76.

³⁴ О термине «пансад» см. Очерк 1.

³⁵ В одном из документов 1923 года Аман-аксакал Мадкаримходжаев упоминается как член аштского революционного комитета, правда, арестованный за должностные злоупотребления (ГАФО РУз, ф. 435, оп. 1, д. 115. Л. 10).

³⁶ Юзбаши (*юзбоши*) — начальник сотни, сотник.

³⁷ По сообщению информаторов Б. Бабаджанова, Кичкина Эргаш (Иргаш), то есть Маленький Эргаш, жил в Чусте, в окрестностях которого располагался его отряд, был в подчинении у Рахманкула, но потом «продал» его — очевидно, сдался советской власти.

³⁸ В рассказе Калмыкова он фигурировал как Баба-ходжа-пансад (*Калмыков С.В.* Комбриг Синицин. С. 170, 171). Н. Ахмедов называл его по фамилии (точнее, по имени или прозвищу отца) — Саидходжаев (*Ахмедов Н.* Коротко из воспоминаний // За власть Советов в Таджикистане. Воспоминания участников революции и борьбы с басмачеством. Сталинабад: Таджикский Госиздат, 1958. С. 66).

ошобинки. Труп Бува-ходжи привезли в Шайдан, как вспоминают очевидцы, и выставили на всеобщее обозрение, а солдаты стреляли в него.

Не все курбаши шли в подчинение к Рахманкулу добровольно, о чем свидетельствует продолжение того же документа:

...приблизительно 150 верховыми разбойниками прибыли в местности Кукташ и пробыли где 2 дня и задержали Шадман курбашия и отбирали с него 17 лошадей и 17 винтовок, а самого Шадмана и некоего Курбаши Туйчибая Каримбаева забрали с собой и направились в сторону сел. Ашаба. Последний курбаши Туйчибай по дороге из сел. Чакисаре [Чоркесар] убежал с трехлинейной винтовкой и к ней 60 шт. патронов и присоединился к нам.

Рахманкул использовал родственные и брачные стратегии для укрепления отношений с другими сообществами. Известно, например, что у него было две жены — ошобинка и жительница Ашта (говорят еще о жене из Алмаса). Рахманкул имел свой дом в Аште и, значит, пользовался там поддержкой населения.

В опубликованных воспоминаниях о борьбе с басмачеством мне попала на глаза также следующая история³⁹:

В 1922 г. Абду-Малик был застрелен своим джигитом Хакимом, который занял его место. Этот новый курбаши назначил своего друга Кучкара курбашой кишлака Алмас. Они имели тесную связь с Рахманкулом. Последний приказал Кучкару курбаши подобрать 40 самых красивых девушек в возрасте от 10 до 15 лет с тем, чтобы выдать их замуж за 40 лучших джигитов Рахманкула. Кучкар приступил к выполнению воли своего хозяина. Было отобрано 40 молоденьких девушек, после чего назначили день свадьбы. Жители Алмаса сообщили об этом мне. В день свадьбы наш отряд внезапно напал на этих «женихов» из банды Рахманкула. Растерявшиеся басмачи не смогли оказать сопротивления. Было убито много басмачей-женихов, ожидавших своих невест. Басмачи

³⁹ *Бойматов Ю.* Эпизоды из героических боев советских войск // В боях за Советскую власть. С. 49.

потеряли в этой операции 75 лошадей, 31 винтовку и еле успели скрыться. Все девушки были возвращены родителям.

Рассказ, конечно, оброс мифологическими деталями (все то же число сорок), но он вполне соответствует представлениям населения, видевшего в браке инструмент распространения и поддержания власти.

Имея такие отрывочные письменные свидетельства и крайне выборочные воспоминания, можно, разумеется, только догадываться о том, каким образом Рахманкул ежедневно боролся за распространение и сохранение своего влияния, какие меры был вынужден для этого принимать. Борьба с большевиками была в этой повседневной деятельности далеко не единственной его целью, а скорее способом получения ресурсов и легитимности.

В войске Рахманкула было много пришлых людей. Особист Калмыков, с обращения к воспоминаниям которого я начал настоящий очерк, упоминает некоего русского офицера Войцеховского, также в его рассказе говорится об «английском шпионе», турецком советнике Сабир-эфенди, который будто бы исполнял обязанности начальника штаба у Рахманкула⁴⁰. Впрочем, как я уже говорил, Калмыков легко смешивает реальные факты с вымыслом. Один из активных участников борьбы с басмачеством, Нуритдин Ахмедов (родом из Пангаза), называл имя другого эфенди — Камол⁴¹.

Гораздо более достоверна информация о том, что в войске Рахманкула была группа «афганцев». О них говорилось в донесениях непосредственно во время событий. Их вспоминает тот же Ахмедов, который даже называет два имени — Зариф-шах Афгани и Бобо-афгани Хонсовев⁴². Память об афганцах живет у ошобинцев — в местных апокрифах упоминался, в частности, некий Огаджан-афган, правда, это не имя, а прозвище⁴³. Кто они были на самом деле — не вполне ясно: возможно, это были действительно выходцы из Афганистана, которые служили в ар-

⁴⁰ Калмыков С.В. Комбриг Синицин. С. 167.

⁴¹ Ахмедов Н. Коротко из воспоминаний. С. 66.

⁴² Там же. С. 66.

⁴³ Ога, ага — титул, которым в Персии и Афганистане называли людей аристократического происхождения.

мии бухарского эмира, потом попали в советский плен и бежали из него, а возможно, речь шла о каратегинцах или других горцах, получивших из-за своей одежды или каких-то необычных привычек прозвище афганцев. В местной памяти афганцы остались как некоторая экзотика, гораздо же крепче в ней удерживались факты, что местный житель Эшмат Азизов, который служил еще в армии Худоярхана, обучал солдат Рахманкула военному делу, а, например, другой ошобинец — Кашамшам — наладил ремонт вооружения. За этими людьми стояли знакомые и понятные всем биографии, семейные и родственные связи.

Любопытно, что в памяти жителей Ошобы совершенно не сохранилась другая фигура — Садриддинхан Шарифходжаев, который какое-то время находился среди повстанцев⁴⁴. Между тем для большевиков и, видимо, для самого Рахманкула присутствие этого человека было очень знаменательным фактом. Садриддинхан родился в 1878 году в Ташкенте и принадлежал к богатой и религиозной семье, получил образование и был муфтием, в 1917 году он состоял в консервативной партии «Улама Джамиати» (Общество богословов), из которой в августе вышел и возглавил небольшую организацию «Фукаха Джамиати» (Общество мусульманских правоведов). По словам итальянского исследователя Паоло Сартори, Садриддинхан использовал идеи мусульманской нации, патриотизма и исламских реформ, был сторонником объединения мусульман Туркестана. Он был членом народной ассамблеи Туркестана, которая возникла в Коканде в 1918 году, после ее разгрома, в отличие от многих своих соратников, не пошел служить в советские учреждения, а пытался участвовать в разного рода нелегальных организациях и одобрял сотрудничество с басмачами. Именуя себя «президентом центрального комитета национального союза Туркестана», в марте 1921 года Садриддинхан написал два письма в консульства Британии и Японии в Кульдже, говоря о существовании союза туркестанских, бухарских и хивинских повстанцев и прося у англичан военной и финансовой помощи для борьбы против «тирании» большевиков. Эти

⁴⁴ *Sartori P.* When a Mufti Turned Islamism into Political Pragmatism: Sadreddin-Khan and the Struggle for an Independent Turkestan // *Cahiers d'Asie centrale.* 2007. № 15—16. P. 118—139.

письма, в которых также критиковалось царское прошлое и говорилось о будущем независимом Туркестане, попали в руки советских спецслужб, после чего Садриддинхан и его сторонник Абдулладжан Зия-Мухаммедов, который был инструктором в советском комиссариате образования, бежали к ферганским повстанцам и нашли убежище у Рахманкула. Именно их называет «двумя ташкентскими узбеками» один из советских документов, в котором сказано, что они отговорили Рахманкула вести переговоры с советской властью (см. ниже). После разгрома Рахманкула Садриддинхан бежал и перебрался в Афганистан.

Приезжий гость, или, точнее, беглец, был в глазах Рахманкула уважаемой и важной персоной, представляющей одновременно традиционную среднеазиатскую⁴⁵ и современную политическую элиты. Садриддинхан мог четко и изощренно сформулировать идеологическую программу сопротивления и дать в руки бывшего ошибинского охранника инструменты легитимации его власти⁴⁶. Выходец из Ташкента мог также благодаря своим связям помочь с оружием и финансами. Другими словами, контакты с ним были для Рахманкула очень важны, и это подтверждается тем, что и большевики, и лидеры антибольшевистского сопротивления знали о таком союзе и следили за ним⁴⁷. Но все подобные соображения и взаимоотношения — и в этом особенность и даже парадокс локального сознания — были мало понятны ошибинцам. Последние не были в курсе, какие переговоры ведет Рахманкул с приезжими, каковы ставки в этих переговорах и в каких процессах замешан их вождь, а следовательно, в местной памяти эти факты не оставили никаких следов.

Чего хотел Рахманкул?

Спустя сорок—пятьдесят лет после описываемых событий советские историки утверждали: «...крупный басмаческий курбаши Рахманкул создал в Ходжентской волости некое подобие ханства с характерными

⁴⁵ Садриддинхан принадлежал к семейству ходжей и ишанов (см. Очерк 8).

⁴⁶ См.: Туркестан в начале XX века. С. 185.

⁴⁷ *Заки Валиди Тоган*. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М.: [б.и.], 1997. С. 288.

признаками восточной феодальной деспотии <...> Тирания Рахманкула в Ашаве явилась как бы образчиком той формы правления, которую хотели создать басмаческие курбаши в случае победы над Советской властью. Местные трудящиеся презирали и ненавидели этих новоявленных “ханов”. Когда жители Ашавы узнали о приговоре, вынесенном Рахманкуду, они устроили в кишлаке большой праздник (сайил)»⁴⁸. Однако такая трактовка имела позднее происхождение. Более ранние оценки звучат несколько иначе. Приведу еще одну цитату. В 1923 году, выступая в Москве на пленуме ЦК ВКП(б), туркестанский функционер Хидыралиев произнес речь перед партийным руководством страны, и в том числе перед Сталиным и Троцким, объясняя поражение басмачей. В его речи были следующие слова⁴⁹:

Басмачи фактически в глазах населения потеряли всякую политическую физиономию. Населению они надоели до невозможности. Население везде готово идти в бой и воюет в лице добровольной милиции. Главное же басмачество убивается экономическими мероприятиями, которые советское государство предпринимает. Так, например, в прошлом году [1922 г.] осенью, когда мы в районе, до того занимавшемся шайкой Рахманкула, наиболее боеспособного из всех басмачей, имевшего свой кожевенный завод, обмундировавшего джигитов и проч., — когда мы в этом районе обсемили поля, кормили голодающих, поддерживая население, то это население и джигиты заставили такого сильного курбаша сдаться в плен, после чего мы его расстреляли.

Обращают на себя внимание некоторые любопытные детали этого эпизода. Во-первых, интересен уже тот факт, что ситуацию в регионе описывал не российский администратор, а представитель местного населения, который являлся теперь одним из высших руководителей в Средней Азии. При этом сведения из региона, даже такие подробно-

⁴⁸ *Шамгадиев Ш.А.* Очерки истории Гражданской войны. С. 239. См. также: История Гражданской войны в Узбекистане. Т. 2 / Х.Ш. Иноятов (отв. ред.). Ташкент: Фан, 1970. С. 286.

⁴⁹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М., 1992. С. 125.

сти, как действия одного из руководителей повстанческого движения, докладывались напрямую высшей власти страны, заинтересованной в знании таких подробностей и настроений. Во-вторых, мы слышим в речи Хидыралиева характеристику Рахманкула как сильного лидера, оказавшегося способным организовать военное и экономическое обеспечение своей власти. В-третьих, туркестанский представитель говорил о том, что действиям Рахманкула советская власть противопоставила еще более масштабную интервенцию в экономическую жизнь региона и смогла тем самым изменить настроения «населения и джигитов», добившись их лояльности и поражения противника.

Попробую теперь чуть более подробно рассмотреть, что представляла собой власть Рахманкула в глазах ошобинцев, с одной стороны, и большевистских чиновников — с другой.

20 сентября 1922 года на объединенном заседании Наманганского угорревкома (уездно-городского революционного комитета) сообщалось⁵⁰:

Тов. Макаев, говоря про политическое состояние Аштского района с волостями — Аштской, Бабадарханской и Чадакской, указывает, что там ныне производится операция против Рахманкула, причем сел. Ашаба — главная база Рахманкула — разбита, население этого кишлака в 700—800 домов разбежалось по горам, но часть его возвратилась по воззваниям, распространенным среди них; оставило население Ашабу боясь операций и возможных боев. Население Ашта в плачевном состоянии, так как наличные запасы продовольствия забраны войсками; остальные селения района — Ашт, Шайдан, Чадак — в лучшем состоянии, в Аште работающей комиссией проведен ряд митингов, и можно считать, что оно [население] перешло на нашу сторону; причем влиятельная часть населения решила послать к Рахманкулу делегацию, чтобы он прекратил басмачество; делегация выезжала, виделась с Рахманкулом, который сначала хотел начать переговоры, но потом, по совету двух ташкентских узбеков, от этого намерения отказался. В районе Ашта и Чадака был ряд боев, также в Гудасе, Шайдане и Ашабе, где был убит

⁵⁰ Протокол объединенного заседания Наманганского угорревкома, 20 сентября 1922 г. // ГАФОРУз, ф. 435, оп. 4, д. 139. Л. 39, 39 об.

комбриг Синицын; недостаток войск повел к тому, что часть наших сил была окружена, басмачи все же понесли большие потери. Вести в районе работу среди населения тяжело. Район был все время в ведении Рахманкула, не обижавшего население, а обложившего в 10% отчислений и обязавшего его засеять для него и его джигитов хлебные и фуражные злаки. Население недоверчиво относится к нашим заявлениям о намерении прочно установить в районе соввласть, говоря, что с уводом войск вернется Рахманкул, не раз уже расправлявшийся с населением за поддержку, оказываемую войскам. Спокойствие в районе возможно лишь с уничтожением Рахманкула. Часть влиятельного населения определено перешла на нашу сторону. В продовольственном отношении население района обеспечено плохо; посевов хлебных злаков мало, часть населения питается сухим тутом⁵¹; много отобрано продуктов и фуража Рахманкулом. В момент приезда в район комиссия хлеб не был еще собран по приказу Рахманкула. Скотоводство в районе было развито ранее слабо (не более 20%), но последнее время оно окончательно разобрано. Случаи перебежек бывали, причем Рахманкул строго следит за своими джигитами, которые набраны им частью из местного населения. В отношении взятия по приказу Троцкого⁵² заложников комиссия полагала взять заложниками родственников Рахманула и его курбашей, но их в районе не оказалось — все они находятся или с Рахманкулом, или далеко в горах. Зелени в районе недостаточно, большинство населения занимается или добычей соли, или мелким кустарничеством; экономическое положение района в самом плачевном положении; все оно обобрано, с одной стороны, басмачами, с другой — войсками. Запасов в районе никаких, и надо принять меры к обеспечению населения и войск продовольствием и фуражем.

Несмотря на свои военные успехи и констатацию того факта, что часть влиятельного населения, в том числе, очевидно, многие бывшие по-

⁵¹ Имеется в виду *толқон* — размолотый с орехами высушенный белый тутовник, который жители Ошобы выращивали в большом количестве в своих садах и который считается весьма калорийным продуктом.

⁵² Речь идет о Льве Троцком, который возглавлял вооруженные силы Советской России.

встанцы, перешла на сторону советской власти, победителям пришлось признать — смелее, чем это сделал Хидыралиев, — что Рахманкул «не обижал» местных жителей. Это соответствует тому, что я много раз слышал в кишлаке от самих ошобинцев. Они часто демонстрировали единодушное мнение, что курбаши не грабил местное население, а, наоборот, защищал людей от грабителей.

Рахманкул сохранил прежнюю, колониальную систему управления — аксакалов (сельских старшин) и мингбашы (волостных управителей), которые отвечали за сбор налогов. В 1918 и 1922 годах, как следует из документов личного архива Я.А.⁵³, местные жители продолжали обращаться для заключения разного рода сделок и соглашений в казийский/народный суд, который был создан еще при колониальной администрации и действовал по ее правилам (в том числе используя кириллические печати). В цитированном выше материале есть ссылка на 10%-ный налог⁵⁴, который Рахманкул собирал с населения, следуя налоговым нормам колониального времени, а также упоминание того факта, что курбаши пытался регулировать посевы определенных сельскохозяйственных культур, необходимых для содержания войск. Выше я уже приводил материалы пленума ВКП(б), где сообщалось, что у Рахманкула действовал кожевенный завод, мне говорили также о мастерских, в которых был налажен ремонт оружия. В Ошобе мне показывали заброшенный канал, построенный при Рахманкуле и орошавший тогда верхнюю часть кишлака. Все эти достаточно разрозненные сведения свидетельствуют об элементах активной и даже централизованной экономической политики, которую проводил ошобинский лидер. Такая политика диктовалась условиями военного времени, но при этом была попыткой решить те хозяйственные проблемы, с которыми столкнулось население.

Меньше известно об идеологических взглядах и планах Рахманкула. Как сам он объяснял свои действия и мотивы, мы не знаем. За него все время говорит кто-то другой, кто-то другой интерпретирует его поведение. Мне в руки попался только один архивный документ — перевод

⁵³ См. Очерк 3.

⁵⁴ По другим сведениям, Рахманкул обложил селения налогом в одну пятую часть урожая (ГАНУ РУз, ф. 13, оп. 2, д. 97. Л. 106).

воззвания, в котором от имени Рахманкула комментируются заявления большевиков об их согласии признать ислам⁵⁵:

От Начальника Мусульманского войска Рахманкула Газия. Господа родные мусульмане, понимаете ли бессовестных большевиков, они хотят нас обмануть, пишут объявления от имени города Ташкента грамотных граждан и приклеивают на стену⁵⁶. Бессовестные большевики нас назвали басмачами, не признавали Бога, а кто признавал, над тем смеялись и об этом занесли в книгу. Уже 5 лет не могут они делать чего-нибудь хорошего, приносили вред государству, а в настоящее время пишут в объявлениях водворить веру. Ах, бессовестные большевики, если признаете веру, зачем [неразборчиво] мусульман и русских и разрешили учиться в одной школе вместе с девочками и разрешили разводиться мужу с женой, в школе у девочек нарождались дети. Эти недоразумения известны всему народу из высшего декрета, а сейчас не стыдно ли вам, не покраснеют ли ваши лица от стыда, что теперь признаете веру, нет, дураки, что вы обманываете, не верят вашим ложным объявлениям, не боятся вас, потому что на руках у них имеется Коран, а ум их не обманет.

Трудно сказать, действительно ли этот текст отражал мысли самого Рахманкула или кого-то из его советников (напомню, что в 1922 году в войске курбаша находился ташкентский общественный деятель Садриддинхан). В документе упоминался Коран, большевики именовались неверующими, а сам автор обращения был назван главой мусульманского войска и наделялся титулом *гозий*, то есть борец за веру, что подчеркивало религиозный характер его риторики. Примечательно, что в тексте не было ссылок на многочисленные жертвы, которые оправдывали бы сопротивление. При этом воззвание апеллировало к аргументам, явно рассчитанным на очень простого слушателя, и содержало в себе набор очень простых морализаторских аргументов, в первую очередь касающихся такой чувствительной темы, как положение женщины. Ошобинцы также

⁵⁵ ГАФО РУз, ф. 435, оп. 1, д. 145. Л. 76. Оригинал документа отсутствует.

⁵⁶ Имеется в виду, что некоторая часть мусульманской элиты выступила с заявлениями в поддержку советской власти.

вспоминали, что Рахманкул защищал женщин и был против того, чтобы «женщины спали под одним одеялом», имея в виду слухи, что большевики хотели сделать женщин общими для всех мужчин. Любопытно в воззвании разве что упоминание «государства» и «вреда», который большевики ему принесли. Эти слова можно интерпретировать так, что Рахманкул обвинял большевиков в разрушении прежнего — колониального (с сегодняшней и большевистской точек зрения) — порядка.

Этот текст (к сожалению, других нет или я их не нашел) показывает нам человека и лидера, ориентированного скорее на местное сообщество, на его стереотипы, предпочтения, интересы, нежели на какие-то отвлеченные политические и идеологические проекты. Рахманкул, безусловно, испытывал влияние разного рода политиков и старался действовать по их совету, но при этом, видимо, все равно оставался локально мыслящим вожаком. Люди воспринимали его точно так же — как своего местного лидера, который должен был отстаивать их интересы, и все они переводили абстрактные лозунги политиков на более понятный для них язык местных представлений и потребностей.

Вина Рахманкула

В своей книге о басмачестве Калмыков описывал последние дни Рахманкула следующим образом⁵⁷:

На обширной террасе Кокандского старгородского медресе негде яблоку упасть...

Подсудимых — девятнадцать. В первом ряду в середине сидел мрачный человек, погруженный в беспросветные думы — Рахманкул. Рядом с ним пятнадцатилетний юноша — его сын Худайкул, командир двухсот «янычар», или еш-аскеров. Он смотрел по сторонам весело и беспечно, даже рисовался перед сотнями любопытных глаз. Остальные держали себя кто скованно, а кто и непринужденно, одни не поднимали глаз, другие смотрели на зрителей с ухмылками, чувствуя себя героями дня.

⁵⁷ Цитата взята из русскоязычного издания: *Калмыков С.* Сдайте маузеры, курбаши! Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 427—429.

После того как было оглашено обвинительное заключение, суд начал допрос обвиняемых. Первым допрашивали брата Рахманкула — Мамасадыка, такого же коренастого, с черной бородой и кустистыми бровями.

Вначале он пытался отказаться от показаний, данных на предварительном следствии. Но под перекрестным допросом председателя и общественного обвинителя вынужден был подтвердить сказанное прежде. Слушая, как допрашивают брата, Рахманкул подумал: «Оказывается, эти судьи еще хитрее торговчи (следователя), они хитрыми вопросами совсем запугали Мамасадыка».

Вторым допрашивали Худайкула. Он стоял перед судейским столом в длинном не по росту халате и выглядел совсем подростком.

— Признаете себя виновным? — спросил председатель трибунала.

— Нет! — дернув сына за рукав, еле слышно шепнул Рахманкул.

Худайкул с улыбкой посмотрел на судей и громко сказал: «Нет!»

Зал встретил заявление возгласами возмущения.

— Сколько времени вы находитесь в банде Рахманкула? — задал второй вопрос председатель.

— Два года.

— Принимали участие в боях против Красной армии?

Рахманкул снова что-то зашептал сыну. Худайкул не стал слушать, он чувствовал на себе множество любопытных взглядов и больше всего боялся, как бы его не посчитали за труса.

— Я со своими еш-аскерами всегда принимал участие в боях и никогда не бегал от русских отрядов.

— Расскажите трибуналу, при каких обстоятельствах был расстрелян амин кишлака Тупик? — громким голосом задал вопрос общественный обвинитель.

— Это было во время тоя, устроенного моим отцом в честь создания отряда «Еш-аскер»... — Худайкул со всеми подробностями и циничным откровением поведал о судьбе несчастного амина, погибшего от рук юных басмачей на зеленых холмах в окрестностях Ашта <...>

— А по пленным красноармейцам и по дехканам, которые чем-либо не угодили вашему отцу, еш-аскеры тоже стреляли?

— Тоже... Вот, например, в кишлаке Чаркачар [Чоркесар?] в плен попали три красноармейца...

ОЧЕРК ВТОРОЙ

«Зачем он об этом болтает? Не понимает, что с коротким языком — жизнь длиннее?» — зло подумал Рахманкул, хмурясь и так и ни разу не подняв головы <...>

На второй день председатель трибунала огласил приговор.

Главарь банды Рахманкул и его шестеро близких пособников — курбашей были приговорены к расстрелу. Остальные осуждены на разные сроки. В отношении несовершеннолетнего преступника Худайкула трибунал решил назначить заведующего обларобразом Ахмедханова его воспитателем.

Народ встретил приговор одобрением, многие аплодировали.

Эти «воспоминания» опять представляют собой смесь фактов и вымысла. Действительно, в рядах басмачей воевал старший сын Рахманкула — Худайкул, которого вместе с отцом судили в Коканде и приговорили из-за несовершеннолетия к перевоспитанию (Илл. 7). Остальное — внутренние монологи курбаши — является, конечно, художественной вольностью. В этих «воспоминаниях» о судебном разбирательстве, на котором он, безусловно, мог присутствовать лично, Калмыков называет в качестве вины Рахманкула лишь убийство старосты одного из кишлаков, что, возможно, и в действительности было одним из основных обвинений, так как с точки зрения советского суда важно было доказать не то, что ошобинский курбаши воевал с большевиками, а то, что он угнетал местное население. Впрочем, в памяти самих ошобинцев такого рода эпизоды не сохранились. А что сохранилось? Попробую вначале восстановить некоторые события того времени.

В конце 1919 года тактика большевиков в Туркестане претерпела серьезные изменения. Они сняли с повестки дня наиболее одиозные и раздражающие лозунги, легализовали мусульманские суды и имущество, привлекли в свои ряды и расставили на многих ответственных постах выходцев из местного населения, образовали из числа мусульман вооруженные части — милицию. В марте 1920 года руководитель объединенных сил ферганских повстанцев Мадаминбек (Мухаммад-Амин-бек), добившись от большевиков ряда уступок, подписал с ними соглашение и признал советскую власть, что вызвало большие противо-

Илл. 7. Вдова Рахманкула с семьей младшего сына

речия среди повстанцев⁵⁸. Однако после скорой и неожиданной гибели перебежчика военные действия возобновились с новой силой — уже под руководством нового, более непримиримого лидера — Курширмата (Шер-Мухаммад-бека). Советская власть перебросила в Фергану значительные военные силы, вооруженные современной техникой и закаленные в боях с регулярными белогвардейскими войсками, после чего началось активное и последовательное уничтожение повстанческих баз, которое к 1923 году привело к почти полному подавлению массового вооруженного сопротивления.

Есть свидетельства, что Рахманкул вслед за Мадаминбеком в марте 1920 года также признал большевиков, но уже в апреле у него начались с ними трения⁵⁹. По воспоминаниям участника событий Мирза-ходжи Бобоходжаева, летом 1920 года Рахманкул сообщил (опять?) о своем решении подписать соглашение с советской властью. В Ошобу приехал начальник отдела ВЧК Ходжентского уезда Бобобек Мавлянбеков в сопровождении других чиновников, но все они неожиданно были захвачены Рахманкулом. Советские руководители в ответ взяли в заложники несколько известных лиц в Ходженте и направили к курбаши делегацию во главе с религиозным деятелем — ишаном Хамидханом-тура, обещая расстрелять заложников. Рахманкул освободил пленных и сделал это, по утверждению Бобоходжаева, из уважения к ишану, чьим мюридом (то есть духовным послушником) он якобы был⁶⁰.

Боевые действия продолжались, и одновременно, видимо, продолжались попытки заключить некое соглашение с Рахманкулом. Красная армия, судя по очень отрывочным и противоречивым данным, по крайней мере два раза брала штурмом Ошобу, но как только военные подразделения возвращались в места своей дислокации или уходили сражаться с другими повстанческими отрядами, Рахманкул со своим войском вновь возвращался и восстанавливал контроль над кишлаком и горным регионом. Советская власть опять была вынуждена вести

⁵⁸ См.: *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М.: Звенья, 2007.

⁵⁹ Туркестан в начале XX века. С. 226.

⁶⁰ Воспоминания М. Бобоходжаева // За власть Советов в Таджикистане. С. 61. См. также: *Иржаев М.* Из истории Гражданской войны в Таджикистане. С. 108, 109.

с ним какие-то переговоры, после чего опять начинала военные действия. Близость гор, растянутость коммуникаций, отсутствие больших запасов продовольствия и фуража у населения создавали большие трудности для действий регулярных войск, поэтому Рахманкул оставался вне досягаемости очень долгое время.

Несмотря на усиливающееся давление со стороны большевиков, ошобинский курбаши продолжал контролировать значительные территории западной части бывшего Наманганского уезда. Например, в рапорте начальника Варзикского волостного исполнительного комитета от 5 июля 1921 года было сказано⁶¹:

Сообщаем, что в настоящее время 1-я съемка клевера окончилась, началась жатва созревших пшеницы и ячменя. Рахманкул-курбаши выставил 100 человек в сел. Гава во главе с Бададь-баем и Шадманом, которые обложили все кишлаки Варзикской волости и требуют ежедневно от населения баранов, муки, деньги, клевер и маты [хлопчатобумажная ткань] на каждый кишлак <...> 15—20 человек из джигитов Рахманкула ежедневно объезжают кишлаки Варзикской волости и наблюдают за ее своевременный сбор <...> По слухам, Рахманкул как в своем районе, так и в других кишлаках объявил, что (на весь кишлак) кишлачного урожая берет 1/5 часть, [но] под видом 1/5 будет брать 1/2 урожая и можно предполагать, что в течение 1 месяца после ничего не останется.

Информационная сводка от 30 августа 1922 года сообщала⁶²:

Рахманкул-курбаши с несколькими джигитами приехал в сел. Юкори-Алмаз и Куе-Алмаз Алмазской волости и оставил предписание жителям, чтобы последние приготовили в субботу 200 пуд. фуража, 200 кусков маты и два миллиарда денег. Такое же предписание ими оставлено и агасарайскому обществу. За неисполнение сего Рахманкул грозит жителям беспощадно грабить и убивать <...>

Рахманкул-курбаши со своими джигитами около 100 человек напал на Алмазскую самоохрану, с которыми имел несколько часов перестрел-

⁶¹ ГАНО РУз, ф. 13, оп. 2, д. 97. Л. 106.

⁶² ГАФО РУз, ф. 435, оп. 4, д. 139. Л. 65.

ку. Во время перестрелки ограбил у населения много имущества, забрал с собою 3 человека из мирных граждан. Ограбленные вещи удалось задержать, после чего басмачи бежали <...>

По донесению начальника Алмазской охраны Рахманкул-курбаши со своими джигитами и курбашами около 300 человек находится в селении Сирпули, из которых 200 человек вооружены 3-х линейками и 100 человек берданами; также у них имеется 2 пулемета, из которых один негодный. Рахманкул сделал предложение Гавинскому обществу о немедленном представлении 200 пудов зерна, 200 кусков маты и 2-х миллиардов денег. За неисполнение сего общество будет беспощадную караться.

В другом документе говорилось⁶³:

С августа месяца в Аштском районе, в сфере деятельности Рахманкула, царившего в этом районе безнаказанно более 4-х лет, велась усиленная политработа одновременно с [неразборчиво] операциями, на которую брошены были все ответственные работники. Эти меры дали и желательный результат: много курбашей и джигитов убито или перешло на сторону Соввласти, часть купленных шаек Рахманкула, Аман-палвана или других распалась и главари их с некоторыми джигитами скитаются ныне по уезду, избегая встреч с отрядами милиции и воинскими частями <...> Население, в большинстве поняв все причиненное ему басмачеством зло, охотно идет на помощь в деле борьбы с басмачами, указывая место нахождения отдельных басмачей, их скот, посевы и имущество. Благодаря этому удалось изъять в Аштском районе, например, до тысячи голов скота, много оружия и боеприпасов, равно как предметов продовольствия и награбленного имущества, которое все взято на учет.

Летом 1922 года штаб Туркестанского фронта решил провести очередную и, как планировалось, последнюю масштабную военную операцию против Рахманкула⁶⁴, войско которого в тот момент насчи-

⁶³ ГАФО РУ, ф. 435, оп. 4, д. 207. Л. 2.

⁶⁴ В литературе существует большая путаница в датах, относящихся к борьбе с Рахманкулом. Согласно одним авторам, окончательный разгром его войска случился

тывало около 500 бойцов⁶⁵. В докладе о состоянии Ферганской области говорилось⁶⁶:

Последние нападения на наши гарнизоны Ашаба, Гудас, происшедшие после соединения Рахманкула с Баястаном⁶⁷, лишний раз доказывают серьезность этого противника. Теперь его следует считать самым сильным курбашой в Фергане, на Рахманкуловский район со стороны центра должно быть обращено самое сильное внимание в смысле снабжения армии продуктами, деньгами, а также операции со стороны Аблыка. Части его, дерущиеся в горах и ущельях главным образом, меньше всего подвержены нашему влиянию через население. Разлагающих элементов и демобилизационных настроений в связи с близким соприкосновением с населением или нашими уступками нет. Части почти полностью вооружены трехлинейками и обильно снабжаются патронами из Ташкента (перед последним нападением Рахманкул получил пять ящиков патронов из Ташкента). Наличие русских белогвардейских и афганских инструкторов, установлено с несомненностью, привело эти отряды в организованную и боеспособную силу до 700—800 человек. Большой запас денег дает возможность закупить продукты, не прибегая к сильным грабегам населения. Вместе с этим в последнее перед нападением время перебежки в одиночку на нашу сторону учащаются, что доказывает, что при усиленной работе в этом районе можно добиться гибельного для Рахманкула перелома среди его джигитов.

В последнем сражении за Ошобу приняли участие как регулярные части, так и милиция. Была использована, по утверждению некоторых источников, даже авиация для бомбометания по укрепленным пози-

в 1921 году, другие пишут, что оно было разбито в 1922 году, но сам Рахманкул пойман только в 1923-м. Я использую датировку на основании архивных источников, которые цитирую в данном очерке.

⁶⁵ ГАФО РУз, ф. 435, оп. 4, д. 139. Л. 76 об., 77.

⁶⁶ ГАФО РУз, ф. 435, оп. 1, д. 103. Л. 431—437.

⁶⁷ Баястан-курбашы — местный лидер (киргиз или кипчак), отряд которого действовал в Чаткальских горах, в селениях Гава, Алмас, Варзак. Был взят в плен большевиками и в 1924 году расстрелян.

циям в горной местности. В августе остатки войска Рахманкула были блокированы и разбиты и только самому курбаши с небольшим числом соратников удалось скрыться глубоко в горах. В октябре Рахманкула сдался, и вскоре над ним состоялся показательный судебный процесс в Коканде, по итогам которого ошобинский лидер и некоторые его ближайшие сподвижники были приговорены к расстрелу.

Каким образом все эти события отразились в восприятии местных жителей и их памяти? В ситуации, когда одни курбаши воевали с другими, одни группы большевиков находились в конфликте с другими группами, когда большевики и курбаши постоянно то воевали, то вели тайные переговоры, то заключали соглашения, то разрывали их, когда и те и другие убивали и грабили, когда по обе стороны воевали мусульмане, ошобинскому населению было непросто разобраться, кто есть кто и в чем вина данного конкретного человека, в нашем случае — Рахманкула (Илл. V).

В Ошобе помнили о сожжении красноармейцев — событии, которое занимало, как мы знаем, важное место в процитированных в начале настоящего очерка воспоминаниях Калмыкова, Мадаминова и Арутюнова. Однако этот эпизод военного противостояния между Рахманкулом и большевиками не приобрел в местной памяти такого же значения и зловещего характера. Ошобинцы хорошо помнили, что Красная армия сама несколько раз сжигала их кишлак, поэтому гибель красноармейцев воспринималась ими в качестве естественного следствия жестокой войны. К тому же местные жители объясняли этот эпизод по-другому: будто бы басмачи собрали и какое-то время хранили в кишлаке трупы погибших в боях красноармейцев, те стали гнить, но так как хоронить на мусульманском кладбище их было нельзя, то решили собрать их и сжечь. Ни о каком Синицыне в этих воспоминаниях не говорилось — его имя никому в кишлаке не было известно.

В центре местного нарратива о борьбе Рахманкула с большевиками оказалась, неожиданно для меня, некая женщина. Вот одна из версий записанного мной устного рассказа:

Оказывается, был советский командующий и та девушка была его дочерью. Чтобы узнать внутренние порядки Рахманкула-курбаши, а затем

и чтобы ликвидировать его, той девушке была поставлена задача. Потом через каких-то людей сделали так, чтобы курбаши взял ее в жены. После этого девушка здесь свободно передвигалась, высматривала и все брала на заметку. У нее не было никаких документов, она ставила записки на запястье (ниже локтя), эти шифры никто читать не мог. Однажды, когда они спали ночью вместе, она взяла ружье курбаши и зарядила его, но в этот момент появилась его мать и воскликнула: «Ой, сынок». Курбаши проснулся и спросил жену: «Что ты делаешь с ружьем?» Она ответила: «Просто так, я не могла заснуть, играла с ним, смотрела». Специально ли ее готовили для того, чтобы его уничтожить, или для другого — неизвестно.

Потом советники курбаши сказали: «Раз на раз не приходится, она нас всех может уничтожить». И был такой человек по имени Кози-Дилазор. Этот человек, говорят, во времена курбаши участвовал то ли в убийствах, то ли в расстрелах людей. Курбаши сказал ему: «Отвези ее к родителям». Кози-Дилазор сказал девушке: «Я отвезу тебя к твоим родителям», на что она ответила: «Нет, нет, ты меня расстреляешь, я не поеду». Кози-Дилазор посадил ее на лошадь и повез в местечко под названием Торкия [буквально «узкий откос», местечко недалеко от кишлака], там и убил ее. Об этом рассказывал Ахмаджан Базаров, он тогда втихаря последовал за ними.

После того как Кози-Дилазор застрелил эту девушку, пришли русские со своей армией. Рахманкул посмотрел на это и понял, что вместе со своими бойцами не выстоит против них. Он сказал своим бойцам: «Пусть каждый спасает свою шкуру». Сам курбаши прибыл с гор на своем коне и сказал, что он сдается, его повезли в Коканд и там судили в парке. Об этом рассказывал Агзам-кал [кал — плешивый] из Гудаса. Он говорил, что Рахманкула не расстреляли, а вначале решили отвезти в Москву и там допросить. Но потом суд вынес решение расстрелять, и его расстреляли в Коканде. И эта девушка была причиной. Люди того времени говорили, что она очень статной девушкой была.

В версии, рассказанной мне внуком Рахманкула, эта история выглядит менее художественно:

Я слышал от своей бабки, что девушка после побывки здесь некоторое время собралась куда-то уехать. После того как она объявила об этом, дед мой [Рахманкул] сказал Абдуназару: «Абдуназар, отвези ее в Ташкент, доставь ее к родному отцу. Эта девушка еще молода, малютка». После этого он отвез ее в Чаккар и там застрелил, потом десять дней у ручья отсиживался, прятался. Почему он пристрелил ее? Не надо было. Когда десять дней прошло, он вернулся. Дед спросил: «Отвез ее?» Он ответил: «Да, доставил ее». А дед сразу смекнул, сказал: «Нет, ты не доставил ее. Если бы ты ее доставил, то тебя бы там схватили, я бы узнал об этом, потом бы они про меня спрашивали. А ты ее не доставил». Она молодой девушкой была, двенадцать-тринадцать лет ей было. Я слышал, что она сюда пришла на разведку. Но, наверное, украли и потом купили ее.

В Ошобе часто можно было услышать, что эта девушка была дочерью важного русского командира Полторацкого, поэтому, собственно, последний решил жестоко отомстить Рахманкулу за ее смерть и разгромил его войско. В действительности же П.Г. Полторацкий, большевик и народный комиссар труда в Туркестанской республике, погиб в 30-летнем возрасте в 1918 году в Мерве (на территории нынешнего Туркменистана) и никак не мог быть отцом таинственной девушки. Кто она была и что с ней произошло, почему и при каких обстоятельствах вдруг всплыло имя Полторацкого — вряд ли можно теперь установить достоверно. Важно лишь то, что именно ее история стала для ошобинцев главным объяснением причин конфликта Рахманкула и советской власти, а сам этот конфликт превратился в сведение счетов из-за женщины. В таком нарративном повороте опять же можно увидеть логику локального взгляда, когда события видятся и оцениваются исходя из местных представлений о долге, его нарушении, обиде и мести.

После курбаши

Быстрый и жестокий разгром войска Рахманкула окончательно утвердил в регионе советскую власть, которая немедленно взялась за установление контроля над Ошобой. Способы управления, применяв-

шиеся новой властью, характеризует доклад областного революционного комитета, датированный 1922 годом. Приведу его почти полностью⁶⁸:

Политическое состояние Аштского района до окончания суда над Рахманкулом и его юзбашами было неопределенное, ибо некоторые элементы в районе [неразборчиво] среди населения и имели связь с главарями шаек, оставшимися пока не пойманными. Беднейший, запуганный класс населения вплоть до расстрела Рахманкула и его сподвижников полагал, что Рахманкул будет освобожден. При выступлении с докладами в каждом селении нам задавались со стороны населения вопросы: освободелся ли район из-под влияния Рахманкула окончательно, или же Рахманкул будет помилован. Когда населению объяснялось, что с Рахманкулом покончено навсегда и пощады ему ждать от рабоче-крестьянской власти не приходится, то оно успокаивалось и выражало свою благодарность Советской власти.

Во время сентябрьской политкампании нами было определено заявлено населению, что до окончательной ликвидации Рахманкула и его банд Советская власть и ее войска из района не уйдут, и в виду этого предлагали населению Рахманкула и его банд не бояться, не оказывать ему никакой помощи и ничем его не поддерживать. Большинство населения удивленно спрашивало, как ему не бояться Рахманкула, хозяйничавшего в районе более 4-х с половиною лет безнаказанно. Теперь население само убедилось, что с его помощью гораздо скорее можно ликвидировать банды Рахманкула, если бы их не снабжать продуктами и другим содействием и отозвать из рядов его банд своих односельцев, завербованных в шайку путем угроз и насилия. Население теперь горячо благодарит Красную армию за освобождение от Рахманкуловского гнета. В данный момент определенно заявляем, что настроение населения политически наклонено в сторону Советской власти.

Из остатков шаек Рахманкула после их ликвидации был случай перехода 8 или 12 джигитов из Облука [Аблык] в Баястанскую шайку. Население передает случай этот таким образом: руководители крас-

⁶⁸ Облревком Феробласти, доклад «О положении недавно освободившегося от Рахманкуловых шаек Аштского района Наманганского уезда» // ГАФО РУз, ф. 435, оп. 1, д. 209. Л. 2—4, 5—6 об.

ноармейских частей после ареста Юсуфа-курбаши устроили митинг, на который собрали только что сдавшихся рядовых джигитов, причем перед митингом говорили между собою по-русски о судьбе сдавшихся главарей и их родственников, среди сдавшихся джигитов были знающие русскую речь, по окончании митинга ушедшие джигиты дошли до дому Юсуфа-курбаши, взяли оставшуюся у него винтовку, захватили его хорошую лошадь, раскрыли закопанные Юсуф-курбашой 14 винтовок, а зерновые его запасы распродали едущим в Аблук за хлебом торговцам за наличные деньги, проехали через горы в Чаткал [Чаткальский горный хребет, который ограничивает с северо-запада Ферганскую долину, находится к северу от Кураминского хребта] и присоединись к шайке Баястана.

Кроме этих лиц, не сдался еще никто. Аманкул, ранее вышедший из отрядов Рахманкула с тремя джигитами, — за ними гонится ташкентский отряд, стоящий в Аблукском районе. Результаты погони пока еще не известны, но думаем, в скором будущем Аманкула приведут к нам его же доверители, если он раньше не попадет в руки Аблукского отряда, которому местонахождение его известно.

Политический руководитель Рахманкуловской шайки Садреддин Магзум Шарифходжа Казиев (Ташкентский узбек), по полученным сведениям, скрывается в местности Самгар между Ташкентской и Ходжентской границей и думает, если удастся, уйти в Авганистан. Остальные каратагинцы [выходцы из Каратегина — долины вдоль среднего течения реки Вахш (Сурхоб), южнее Ферганской долины (территория современного Таджикистана)] (именовавшие себя авганцами) скрылись вблизи Ходжента в уезде в связи с переходом к мирной жизни и за отсутствием вооруженных операций в западно-восточной части Аштского района и близ Чаткала. В Чадакской волости, в местности Чаракисар [Чоркесар] и Ханабад, несколько раз появлялись Баястанские джигиты и был случай угона 7—8 числа табуна в 150 голов, принадлежавшего кочующему населению этой местности.

В Аштском районе в связи с выборами сельсоветов проведена определенная политкампания в каждом кишлаке, организованы сельсоветы из наиболее надежных и не причастных к Рахманкуловскому движению людей, каждый сельсовет проинструктирован в отдельности о его

правах, обязанностях и задачах, в волостях организованы волревкомы [волостной революционный комитет], куда введено по одному ответственному работнику районного и уездного масштаба. Организован и районный ревком, введен «ответственный партийный работник» уездного масштаба. Всего в районе организовано 17 сельсоветов, 2 волревкома и райревком.

Главной задачей нашей работы было также изъятие и раскрытие спрятанного оружия. Тут необходимо было задержать администраторов и заведующих оружием Рахманкула, из которых пока пойман только Аманча, выдавший 7 винтовок из числа зарытых и немного домашнего имущества. Другого же хранителя оружия, Мирзахана, задержать не удалось, он скрылся в горах, а между тем поимка его имеет важное значение, т.к. он пользовался большим доверием Рахманкула. Всего нами в районе взято 11 винтовок и 15 револьверов из годного оружия, 450 патронов и 2 ствола для пулемета «шоша», 180 нагановских патронов, опись которых и представляется.

Предназначенная для района семенная ссуда — раздача ее почти закончена, в этом деле работает по району зав. уземотдела [уездный земельный отдел] Кадыров, попутно с раздачей ссуды идет организация Союза Кошчи [массовая общественная организация, созданная в начале 1920-х годов в Туркестанской республике и объединявшая бедняков и издольщиков], который в Бабадарханской волости, например, организован уже полностью. Нельзя сказать, что розданная ссуда удовлетворила все население района, ибо роздано всего только 3100 пудов. Говоря про семссуду, нельзя обойти недоразумения с расходами по переброске ссуды с линии желдороги до места. Сказался недостаток у населения перевозочных средств, почему некоторыми сельсоветами произведены расходы по переброске зерна, расходы эти для населения, пострадавшего и так уже достаточно, обременительны, это было заявлено нам, и мы дали слово ходатайствовать перед облревкомом о покрытии их расходов, которые по всему району не превысят в общей сложности 600 000 руб. знаков 22-го года. Учет засева будет нами на днях представлен подробно по каждому сельскому обществу. Заметно отсутствие у населения рабочего скота, и ему придется прийти в этом на помощь, выделить из первой

партии имеющего прибыль скота хотя бы 340 голов, чтобы можно было для каждого кишлака отпустить хотя бы по 20 голов.

В целях скорейшего ускорения восстановления района необходимо изъять оттуда в первую очередь следующий подозрительный элемент:

1. Ташмата-мингбаши из селения Шайдан, как бывшего волостного старосту Рахманкула.

2. Мирза-Баба [Бува-ходжа?] из селения Гудас, как [неразборчиво] и подозреваемого в участии в шайке Рахманкула, из-за которого несколько джигитов не могут сдаться до сих пор, скрываются в горах.

3. Игамберды Худайбердыева и его отца Худайберды Мавлянкулова⁶⁹ из селения Ашаба, которые под флагом помощи и содействия командирам наших войск всячески обижают население угрозами жалоб и придания особому отделу или командирам. Таким путем типы эти собрали с населения много скота и до сих пор обижают население.

4. Окбай с селения Дагана [Дахана], как завхоз курбаши Ирмата, решительно ничего не выдавший из скрытого имущества этого курбаши.

5. Хайдар-аксакала из селения Камыш-курган, старшего брата заключенного на 11 лет юзбаши Кадаяра, за угнетение населения в бытность брата главарем шайки.

В отношении укрепления и организации милиции в районе необходимо отпустить немедленно 35 штук трехлинеек и достаточное количество патронов, утвердив по 25 конных милиционеров на каждую волость. Самое главное — не оставлять на плечах населения содержание этой милиции, а необходимо принять содержание за счет республики хотя бы за четыре месяца во всем решительно, до подковы, необходимо принять осторожным путем меры к розыску, ибо такового, по словам мирного населения, еще много не дано. Но в этом отношении надо избегать запугивания сдавшихся джигитов. Во что бы то ни стало надо разыскать служащего Рахманкула — Мирзахана, который заведовал хозяйством и оружием банды.

Что же касается имущества Рахманкула и его шаек, взяты на учет по всему району земельные участки Рахманкула и его юзбашей, а также

⁶⁹ Мы встречаем его в качестве одного из активных сторонников Одинамата Исаматова во время выборного конфликта в 1892 году (см. Очерк 3).

и домашнего имущества, всего более тысячи голов скота (баранов и коз), 27 бракованных лошадей, которых тотчас же раздали дехканам через Союз Кошчи, около триста пудов зерна и приблизительно 700 арб, т.е. 20000 пудов, соли⁷⁰. Взято на учет в районе голодающее население: около 800 взрослых и 720 детей, но с выпадом снега количество увеличится примерно втрое, 99% населения Ашабы не имеет жилища и из 800 домов осталось целыми только 9 или 10, остальные сожжены. Предполагается организовать в трех волостях района питательные пункты для голодающих с оборудованием приблизительно на 450 человек, из которых один пункт — приют-интернат для детей на 250 человек, смета будет представлена на днях.

При определенности района милиция должна быть организована не менее 75 конных, т.е. по 25 на волость, вооруженных трехлинейками. Пока нами организована милиция из 40 человек, вооружению которых отпущено угормилицией 10 бердан, облмилицией — 20 «гра», из найденного имущества взято для милиции 10 винтовок, 7 револьверов. Необходимо теперь же решить вопрос об отпуске недостающих 35 винтовок.

К организации добровольческой милиции население относится хорошо, принимает в этом участие, выделяя в милицию надежных людей под круговую поруку. Только в отношении снабжения население сильно затруднено. Во всем районе, можно уверенно сказать, не осталось ни одного снопа клевера, ни одного стога сена, а равно зернового фуража. До сдачи Рахманкула были в милиции 13 или 15 перебежчиков, но теперь все они отстранены и на их место были приняты милиционерами местные жители под круговую поруку населения. Согласно существующего приказа Туркфронта все трофейное имущество, отбитое милицией, должно быть израсходовано на нужды самой милиции, но облревком разрешил расходовать на это только 10%, чего недостаточно для удовлетворения милиции даже за два месяца. Вопрос этот тоже требует разрешения.

В заключение надо сказать, что политический подход к населению надо проводить очень осторожно, необходима зоркая слежка за оставшимися басмачами и за сдавшимися джигитами, для работы среди

⁷⁰ В Аштской степи были крупнейшие в Ферганской долине солеразработки.

ОЧЕРК ВТОРОЙ

устрашенного дехканства нужны опытные политруководители, которые не повторяли бы того, что делалось в 18—19-м годах⁷¹.

Нужно постоянно иметь двух организаторов-инструкторов угорревкома, чтобы окончательно наладить и поставить на верный путь работу Советских органов.

Ко всему добавочно представляется доклад секретного характера.

Отв. секретарь Наманганского угорревкома.

Председатель Наманганского угорревкома.

г. Наманган, 23 декабря 1922 года.

Секретно.

Докладная записка ответственного секретаря Наманганского угорревкома КПТ [Коммунистическая партия Туркестана] Макаева и Наманганского предугорревкома Шамансурова.

В дополнение нашего письменного и устного доклада, заслушанного на объединенном заседании Наманганского угорревкома с представителями Фероблревкома, командования Фергруппы, представителей ГПУ, угорревкома, особого отдела и угормилиции (копия доклада и протокола заседания прилагаются), по поводу положения Аштского района необходимо обратить внимание на следующие ненормальности в проведении там работы. Как указано в докладе, население Аштского района, только что освободившееся от угнетателей в лице Рахманкула и его банд, сумевших в течение ряда лет заставить поработенное население стоять за их сторону, теперь усиленно следит за каждым шагом работы тех или иных представителей власти и из их поступков выносит свое суждение о будущих условиях жизни. Для поднятия в глазах населения престижа власти тут приходится обращать серьезное внимание не только на крупные проделки представителей власти, но и на самые мелкие.

Сотрудник пункта особого отдела Фергруппы Нуретдин Мулла Ахмедов, житель селения Пангаз Бабадарханской волости, проживавший в Коканде приблизительно лет 20, сговорившись с начальником гарнизо-

⁷¹ Автор записки критикует прежнюю политику местных большевистских руководителей, которые репрессиями, направленными против населения, способствовали увеличению числа недовольных советской властью.

на в Биш-тале [селение Бештал в предгорьях Курамы], сорганизовал себе из родственников отряд в 3—4 человека, вооружил его винтовками и все время разъезжал между Биш-талом и Пангазом, занимаясь насилием, вымогательством и терроризацией населения. По сведениям, сообщенным председателем Ашабинского сельревкома Каршибаем, основанным на показаниях очевидцев и потерпевших, названный Нуретдин по дороге из Пангаза в Ашабу отобрал у жителя сел. Ашаба Имам-Назара несколько коров, мелких шелковых платьев и т.п.; затем в Пангазе арестовал трех наиболее нейтральных влиятельных граждан и, связав им руки, угнал их днем в Биш-арык [Беш-арык — крупное селение недалеко от Коканда] пешком. Около Дарьи [Сырдарья] одного из них расстрелял под предлогом, что тот стремился сбежать, но такая оговорка маловероятна, если принять во внимание, что человек со связанными руками прошел пешком из Пангаза до Дарьи около 30 верст; трудно поверить, чтобы при этих обстоятельствах у кого-нибудь явилась бы мысль о побеге, тем более, что, по словам населения, человек, о котором идет речь, был совершенно самостоятельным, нейтральным и во время организации Рахманкулом шайки пытался сжечь самого Рахманкула, облив керосином крышу помещения, где находился Рахманкул. Характерно, что сегодня Ахмедов угнал пешком через ряд кишлаков человека, труп которого на другой день через те же кишлаки привезли его сыновья обратно на верховой лошади — в поводу. Что касается судьбы остальных арестованных, то один из них скрылся в Биш-арыке или расстрелян, а второй там же выпущен на свободу. По этому делу мы совместно с членом Турчика [Туркестанский центральный исполнительный комитет — высший орган власти в Туркестанской республике] т. Калянходжаевым вели разговор с указанным сотрудником особого отдела Ахмедовым, который факт грабежа у Имам-Назара отверг, а относительно расстрела показал, что арестованный был убит его джигитами при попытке бежать.

По словам населения, Нуретдин Мулла Ахмедов отбирал у перешедших к нам джигитов, их близких родственников и пастухов много скота, домашних вещей и оружия разных систем; нами лично установлено, что у четверых джигитов он не потребовал выдачи оружия, но снабдил их от себя удостоверениями на право свободного жительства, а у одного из джигитов отобрал одиннадцатизарядную винтовку и дал удостоверение

такого содержания: «Удостоверение. Предъявитель сего Абиджан Абдурахимов действительно есть наш уполномоченный особого отдела Ахмедов». Нами помимо этого отобрано у этого джигита револьвер системы наган и 59 шт. патронов к трехлинейке. Не выезжая из пределов Бабадарханской волости, Мулла Ахмедов большую часть времени проводил в своем селении Пангазе и со времени сдачи Рахманкула по 5—8 декабря жил за счет населения, довольствуя таким путем кроме себя 5 джигитов и 4—5 лошадей. Сельревком против этого ничего предпринять не мог, ибо после расстрела, указанного выше, население было окончательно запугано Ахмедовым.

Есть в районе еще зловердный элемент в лице Худайберды Мавлянкулова и его сына Игамберды Худайбердыева, живущих в Ашабе. Эти типы вели двойственную игру: с одной стороны, давали сведения о местонахождении Рахманкуловских шаек и имуществе, конечно, при содействии населения, а с другой стороны, обижая население забором у него имущества, скота, продуктов, фуража и пр., причем имея при себе оружие, угрожают населению, что укажут на мирных жителей как на участников шаек Рахманкула, причем в отношении некоторых односельцев угрозы эти и привели в исполнение. Наши же начгары [начальник гарнизона], не проводя ни дознания, ни следствия, верили этим проходимцам на слово, арестовывали указываемых мирных граждан, некоторых «выводили в расход», а некоторых отправляют по начальству. Эти люди втроем [вдвоем?] живут с лошадьми тоже за счет населения, которое, боясь быть спровоцированным ими, терпеливо молчит. Нами дано указание населению о прекращении им отпуска чего бы то ни было, о чем предупреждены и сами названные провокаторы. В первом нашем докладе они предназначены к высылке из района.

Самой главной задачей работы нашей в районе было изъятие оружия у рядовых джигитов с выдачею копий актов о сданном оружии. Однако среди рядовых джигитов находились элементы, не пожелавшие сдать оружия добровольно, и у некоторых пришлось отобрать таковое путем угроз арестом и преданием суду. То же самое наблюдалось и при сдаче имущества Рахманкула и его пансатов. Дознание и следствие о раскрытии спрятанного оружия в данное время ведется начальником районной милиции. Вот в этом деле — при обнаружении скрытого оружия

и необходимо дать указания райревкому и раймилиции, как поступать в дальнейшем с лицами, не сдавшими оружия добровольно, а которое было обнаружено следствием. По нашему мнению, такие лица не должны оставаться безнаказанными. Второе — надо срочно принять меры к розыску в дальнейшем как оружия, так и имущества басмачей, ибо, по словам населения, его должно быть еще много. Для работы этой необходимо отпустить средства, командировав в район надежного партийного товарища, который в 2—3 месяца сумел бы выполнить эту задачу. Но к этой работе ни под каким видом нельзя допускать таких сотрудников карательных органов, как Нуретдин Мулла Ахмедов, неграмотный и не понимающий нашей задачи работы в районе. Такие сотрудники подорвут в корне начатую работу, расстроят все наши планы и доведут дело до того, что и сдавшиеся джигиты сбегут, будут вооружаться и вновь басмачествовать. Выбор сотрудников для этой ответственной, тяжелой и трудной по выполнению работы должен быть особо осторожен и тщателен, ибо неумелые и нетактичные приемы могут повести к недоверчивому отношению к нам населения, только что принявшего за мирный труд и вздохнувшего свободно после ряда лет насилия и грабежа.

Гор. Наманган, 27 декабря 1922 года.

Ответственный секретарь угоркома КПТ (Макаев).

Председатель Наманганского угорревкома (Шамансуров).

Я привел доклад, чтобы можно было окунуться в атмосферу того времени. Этот документ вызывает вопросы о том, какие практики управления и подчинения использовались в момент перехода от активных военных действий к относительно мирному существованию, каковы были обстоятельства выживания местного населения в условиях войны и каким образом новый режим утверждался в Средней Азии. В частности, я хочу обратить внимание на то, как в документе возникала своеобразная стигма принадлежности, как проводились линии разделения на своих и чужих для советской власти. Это интересно с точки зрения того, каким образом люди выстраивали затем свои стратегии воспоминания и забывания.

В книге «Срывайте маски» Шейла Фицпатрик рассматривает, каким образом люди представляли себя в сталинском обществе в разных

текстах (анкетах, доносах, письмах-просьбах, автобиографиях) — она называет это «индивидуальными практиками идентичности»⁷². Исследовательница предложила анализировать классы, национальность, конфессии и другие виды принадлежности не столько как объективно данные сообщества, сколько как предписывание и самопредписывание, сокрытие и открытие идентичностей, исполнение и манипулирование ими. В ситуации, когда власть создавала режим разделения общества на «наших» и «врагов», применяя различные меры преследования и поощрения в соответствии с этим принципом, принадлежность становилась важной сферой борьбы.

Процитированный доклад тоже есть своего рода карта принадлежностей и лояльностей, как ее увидели и воспроизвели два большевистских чиновника (один — русский, другой — «туземец») в 1922 году в Аштском районе. Однако на ней отсутствовали классовые, национальные или профессиональные разметки. Главным же критерием для определения своих и чужих стала причастность к «рахманкуловскому движению»: те, кто надежен, нейтрален и не участвовал в басмаческих отрядах, считались сторонниками советской власти или по крайней мере потенциальными ее сторонниками, те же, кто был как-то вовлечен в басмаческую деятельность (пусть даже только через родственные связи), входили в категорию врагов, подлежащих наказанию, или подозрительного элемента, за которым надо наблюдать или который надо «изъять» (видимо, пока лишь отстранить от занимаемых в местном управлении должностей). Причастность/непричастность к «рахманкуловскому движению» стала стигмой, которая определяла положение в новой иерархии и доступ к государственным ресурсам, она была также указанием для политического действия, выбора местных союзников, заключения локальных альянсов и так далее.

Однако доклад показывает одновременно, что использование факта причастности к «рахманкуловскому движению» не могло решить все проблемы и дилеммы, с которыми сталкивалась власть. Те, кто был

⁷² *Fitzpatrick Sh.* Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005. P. 5 (см.: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски: Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. С. 14).

непричастен к Рахманкулу и, более того, участвовал в борьбе с басмачеством, сами вызвали вопросы в связи с тем, что они делали — грабили население, злоупотребляли полномочиями, выдвигали своих родственников на выгодные должности. При этом, чтобы риторически разоблачить тот вред, который приносили эти сторонники советской власти, чиновники опять использовали имя Рахманкула, ссылаясь на то, что притеснение населения идет на пользу басмачам и говорит о двурушничестве.

В качестве примеров упоминались два случая. Первый пример: выходца из Пангаза, сотрудника особого отдела Нуретдина Ахмедова авторы доклада обвинили в том, что он неграмотный, не понимает «нашей задачи работы», и предложили заменить на «надежного партийного товарища». Одним из обвинений в его адрес стал расстрел им «самостоятельного» и «нейтрального» человека, который будто бы даже пытался сжечь когда-то «самого Рахманкула»⁷³. Другой пример — ошобинец Худайберды Мавлянкулов, «зловредный элемент», как он назван в докладе, который ведет «двойственную игру». Он был обвинен, в числе прочего, в том, что угрожал «указать на мирных жителей как на участников шаяк Рахманкула», то есть применить к ним необоснованные репрессии. Парадоксальность обвинений в адрес Нуретдина Ахмедова и Худайберды Мавлянкулова заключалась в том, что те сами использовали в своей практике обвинений и наказаний ту же самую ссылку на причастность к «рахманкуловскому движению». Население Аштского района, и тем более Ошобы, которое «освободилось от угнетателей», было так или иначе вовлечено в 1918—1922 годах в повстанческую деятельность — и любой, кто хоть какое-то время жил при Рахманкуле, мог быть под подозрением в поддержке басмачества.

⁷³ К слову, эти обвинения не вошли в официальную биографию Ахмедова, судьба которого при советской власти сложилась достаточно благополучно: в 1923—1926 годах он возглавлял Союз Кошчи в Наманганском уезде, в 1931—1936 годах служил в НКВД Аштского района, в 1936—1947 годах был сотрудником милиции в разных районах Северного Таджикистана, потом — председателем сельсовета Пангаз, горсовета Адрасман, работал в органах районной власти, в 1952—1953 годах был председателем сельсовета Ошоба, а потом опять работал в сельсовете в Пангазе, был председателем и парторгом в колхозе «Энгельс» (*Азимов Н. Симои Ашт. Душанбе: [б.и.], 2001. С. 570, 571 (на таджикском языке)*). Сегодня в Историко-краеведческом музее Аштского района имеется целый стенд, посвященный ему как герою революции.

Это, в свою очередь, неизбежно вызывало в качестве реакции различные свидетельства, поручительства и доказательства того, что тот или иной конкретный человек пострадал от Рахманкула или был в открытом либо скрытом конфликте с ним. Манипуляции такого рода обвинениями и оправданиями превратились в способ выяснения отношений и решения самых разных проблем. В конце концов, и тех чиновников, которые написали доклад, можно было упрекнуть в том, что они дискредитируют людей, боровшихся с басмачами, а значит, потворствуют врагам советской власти. Правдивость тех или иных фактов уже не имела большого значения — важно было соотношение сил и интересов, которое в итоге и диктовало характер риторики и цензуры памяти.

Обвинение в причастности к басмачеству сохранялось как инструмент разделения на своих и чужих по крайней мере до конца 1940-х годов. В частности, его активно использовали, судя по всему, в доносах, которые стали в сталинский период популярным жанром⁷⁴. Фицпатрик говорит о двух функциях доносов — надзорной и манипуляционной: в первом случае власть использовала их как способ контроля за настроениями в обществе, во втором — люди сами использовали доносы для достижения личных целей⁷⁵. В архивных материалах районного суда мне удалось найти газетную статью 1934 года, которая, по сути дела, являлась анонимным доносом, поскольку подписана псевдонимом (Kislata). Вот ее перевод с узбекского языка⁷⁶:

Товарищ прокурор, вот вам колхоз, ограбленный мышами.

В кишлаке Ашаба, одном из самых больших в районе, 58 человек образовали колхоз «имени Буденного». Во время выборов правления колхоза классовые враги действовали по принципу «стреляй, пока не упал» [куй железо, пока горячо] и всеми силами старались захватить власть в свои руки. Комиссары, создавшие правление, не обратили внимания на это. Председатель колхоза Казыбай Гайиб-оглы⁷⁷, кого

⁷⁴ См.: *Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks*. P. 205—239 (*Фицпатрик Ш. Срывайте маски*. С. 237—274).

⁷⁵ *Ibid.* P. 236.

⁷⁶ ФГАСО РТ, ф. 152, оп. 1, д. 2. Л. 64.

⁷⁷ См. Очерки 4 и 5.

во всем районе ни спроси — все скажут, был в прошлом отъявленным головорезом, правой рукой Рахманкула-курбаши. Очень странно, что человек, который вчера воевал против солдат Красной армии, сегодня является председателем колхоза. Став председателем, Казыбай начал грабить имущество колхоза.

Завхоз колхоза, мулла Мурад-дамулла Мулла-оглы, является имамом кишлака и вместе со своими родственниками совершает разные духовные дела. Даже внутри амбара в дневное время он занимается религиозными обязанностями.

Посмотрите на проделки классовых врагов. В первые же дни своего председательства они взяли под свой контроль мельницу. Перечисленные выше люди всего в амбар сдали 6690 кг [зерна], но при проверке там оказалось всего 3700 кг. 2990 кг были присвоены ими.

Когда создавался колхоз, они завладели мельницей, после этого [неразборчиво, но смысл тот, что нижеперечисленные лица сдавали зерно колхозу]: 1) [неразборчиво] Салиджанов 1696 кг, Мирза [неразборчиво] 1280 кг, Ж. Азизов 280 кг, [неразборчиво] 304 кг, Карабай 400 кг, А. [неразборчиво] 640 кг, Нематулла 340 кг, [неразборчиво] 32 кг, Рахимджан 320 кг, [неразборчиво] 80 кг, еще один кулак (сбежавший из кишлака) 400 кг — всего 6690 кг сдали, но при проверке выяснилось, что в амбаре оказалось 3700 кг, 2990 кг они присвоили.

И еще один вред, принесенный руководителями колхоза, — они продали одну лошадь на базаре Коканда за 1300 рублей, а составили акт на 900 рублей и 400 рублей присвоили себе. У Хайитмата Кырыкйигит-оглы купили одну лошадь за 860 рублей, а оприходовали в колхоз за 960 рублей. В феврале купили 4 лошади от финансового отделения и 2 оприходовали в колхоз, а остальные две скрытно продали и присвоили деньги. Вредительства Казыбая отражаются на колхозном скоте — недавно 11 коз и 2 вола бесследно исчезли. Казыбай спекулирует на продаже земель — недавно он на украденные у колхоза 3000 рублей купил у Орунбая Коканбай-оглы землю и перепродал ее.

Бригадир колхоза — Сафар Джаббаров. Это один из их подельников. В прошлом он также был одним из головорезов басмача Бабаходжи [Бува-ходжи], отряды которого были уничтожены в 1934 году. С помощью денег и имущества он стал бригадиром колхоза. Будучи

бригадиром, он по-прежнему продолжает заниматься басмачеством. Недавно, собираясь присвоить не входившие в план колхоза земли Туйгил, дочери Мавлана, он избил ее и всю покалечил.

Заваленные жалобами от жителей кишлака, районная земельная секция и районная государственная прокуратура бездействуют. Теперь мы надеемся на высшую прокуратуру и ждем наказания виновных.

На основе доноса появилась опубликованная на русском языке листовка⁷⁸:

Листок действия № 677/5787, «Правда Востока»: за срыв листка виновные подлежат к уголовной ответственности⁷⁹.

Кулаки растаскивают колхозную собственность.

В Аштском районе (сельсовет Ашаба) колхоз им. Буденного состоит из 58 хозяйств. Председатель колхоза Казы Гоибов — первая рука известного в Фергане курбаши Рахманкула. Заведывающий хозяйством Мурадханов, сын старого домоллы, члены правления колхоза Мулла Ишмат Хидыр, Джабаров и другие — проходимцы и бывшие растратчики. Недавно с колхозной мельницы поступило 6690 кг пшеницы, председатель Гоибов и завхоз Мулла Курбан-домулла оприходовали 3700 кг, а остальные 2990 килограмм присвоили. Гоибов продал в Коканде колхозную лошадь за 1300 р., составили акт, что лошадь продана за 900 р., 400 р. прикарманил. При покупке для колхоза лошади Гоибов нажил 100 р. Из четырех лошадей, купленных у финотдела, в колхоз привез только двух. Гоибов продал 11 колхозных коз и две коровы. Выручку присвоил. Единоличников Гоибов настраивает против колхозов, он пугает, что колхоз отберет у них сады. Папки райпрокурора наполнены этими материалами, но он на них не реагирует. Требуется срочное вмешательство верховного прокурора.

Алмас (Almass).

⁷⁸ ФГАСО РТ, ф. 152, оп. 1, д. 2. Л. 80.

⁷⁹ В предваряющем тексте было сказано, что листок должен висеть на видном месте — на двери кабинета или над столом чиновника, а снят может быть только после устранения указанных в нем недостатков: «Срыв листка будет рассматриваться как зажим самокритики».

От редакции: Ждем ответа от прокурора не позднее 30 сентября 1934 г.

Отв. редактор (Вязовский).

По сравнению с докладом 1922 года оба документа написаны уже в другом контексте и отражают реалии следующего десятилетия — коллективизацию и борьбу различных групп за доступ к государственной власти, о чем подробнее пойдет речь в других разделах книги⁸⁰. Здесь я хочу лишь отметить, что отсылка к басмачеству, упоминание имен Рахманкула и Бува-ходжи еще довольно долгое время оставались важными средствами обвинения и оправдания. Наравне с новыми формулами — социальное (или религиозное) происхождение, злоупотребление властью, моральная распушенность⁸¹ — принадлежность к «рахманкуловскому движению» была частью языка конфликтов в местном обществе. Причем, как показывает сравнение узбекоязычной и русскоязычной версий приведенного выше доноса, отсылка к басмачеству была даже важнее для локального сообщества, нежели для советских чиновников неместного происхождения. Стиль доноса, описывающего головорезов, должен был произвести впечатление прежде всего на аудиторию, которая более чутко воспринимала и чувствовала противоречия между различными местными группировками.

Новая антибасмаческая волна имела место после Великой Отечественной войны. В 1947—1948 годах в Казахстан была депортирована группа ошобинцев с семьями — их обвинили в том, что они служили в отрядах басмачей⁸². Когда Сталин умер, большинство из них вернулось обратно. Тем не менее Отечественная война отодвинула тему Гражданской войны 1918—1923 годов на второй план — как часть истории. Смерть Сталина привела к сокращению использования репрессивных практик. Выросло и вступило в жизнь новое поколение, не заставшее революционных событий. Выросли дети Рахманкула, которые жили в Ошобе и ничем не выделялись среди других ее жителей, один из его сыновей погиб на фронте.

⁸⁰ См. Очерки 4 и 5.

⁸¹ *Fitzpatrick Sb.* Tear Off the Masks. P. 213—226.

⁸² См. Очерк 4.

В 1950—1960-е годы принадлежность к басмачам постепенно перестала фигурировать в официальных обвинениях, разного рода личных делах и быть предметом страха и умолчания. Ссылка на причастность к «рахманкуловскому движению» перестала быть орудием в местных конфликтах. Но память об этих событиях, которую власть закрепила через репрессии в предыдущие годы, трансформировалась в элемент локального самосознания. Вот как об этом говорил один из моих собеседников:

В последующие после басмачества годы по настоящее время всех ашабинцев по привычке в Ферганской долине и Ташкентской области продолжают называть курбаши. С одной стороны, это приподнимает самосознание ашабинцев и дает возможность идентифицировать себя с каким-то сообществом. Особенно это было важно, например, мне, как ашабинцу, выросшему вне родного кишлака. Мои старшие братья всегда, если я показывал слабость, указывали на это: «Какой же ты курбаши?! Ашабинцы не плачут!» Я артековец, пионер-комсомолец, выросший на ленинско-коммунистических принципах, принимая все советское — идеологию, лозунги, цели, принципиально расходился во всем, что касается басмачества. Слово «басмач» для меня не было ругательством, а наоборот: при просмотре фильмов про басмачество я всегда был на стороне басмачей. Принадлежность к потомкам курбаши с детства прививалась старшими младшим и являлась важным элементом в воспитании «настоящего ашабинца». Большинство ашабинцев, особенно молодых, знают, что Рахманкул — курбаши. И все! Каждый из них знает, что это известный предок и нужно быть похожим на него. Именно этот период считается среди ашабинцев периодом «идеальной Ашабы». Это также давало возможность всем, кто живет вне кишлака, привязывать себя к кишлаку.

В 1973 году в Ташкенте на узбекском языке вышла книга «Коран и маузер»⁸³. Ее автором был Сергей Калмыков, с рассказа которого о гибели Синицына я начал этот очерк. В книгу рассказа о комбриге не

⁸³ Калмыков С. Қуръон ва маузер. Тошкент: Ўзбекистан, 1973 (на узбекском языке).

был включен, но Рахманкул оказался одним из ее героев. «Коран и маузер» — всего лишь историко-революционный роман, художественный вымысел, который автор совместил с реальными событиями. Однако книга имела большое значение для самосознания ошобинцев — те, кто сумел ее прочитать, пересказывали содержание романа односельчанам, а те, в свою очередь, передавали услышанное по цепочке. Образ Рахманкула неожиданно обрел своеобразную легальность, и на книгу Калмыкова стали ссылаться как на документальное свидетельство о прошлом Ошобы.

* * *

Американский антрополог Брюс Грант в статье «Одно обычное азербайджанское село» рассматривает память об антисоветском восстании в азербайджанском городке Шеки в 1930 году. Он пишет: «Я изучаю вопрос о том, в какой мере опубликованные и архивные источники способны конкурировать между собой по силе воздействия на различные аудитории. Объединяя письменные и устные рассказы для того, чтобы воссоздать историю наиболее полно, я смог избежать туника, в котором оказываются многие пишущие о Кавказе, где политика издавна воспринималась как нечто относящееся к прерогативам исключительно власти, история виделась летописью государственных дел, а этнография представлялась собранием диковин. Долгая жизнь восстания в Шеки показывает, насколько политика, история и культурная основа неотделимы друг от друга в тех случаях, когда некое значимое событие приобретает символическое значение»⁸⁴.

Грант отказывается от идеи восстановить действительный ход событий и выяснить подлинные мотивы действий героев. Его больше интересует, в частности, то, что в устных историях о главном герое восстания — Молле Мустафе Шейхзаде — местные жители описывают происходившие события в качестве проявлений его сакральных качеств, унаследованных им как потомком известного мусульманского святого. Это восприятие никак не отражается в документальных источниках и добавляет к истории восстания новое, метафизическое измерение,

⁸⁴ *Grant B. An Average Azeri Village (1930): Remembering Rebellion in Caucasus Mountains // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 4. P. 709.*

важное с точки зрения участников данных событий и тех, кто о них вспоминает или их реконструирует. Такой подход, как считает Грант, позволит точнее учитывать местный культурный и религиозный контекст, в котором события происходили и интерпретировались, увидеть «явления, глубоко укоренившиеся в рутинной политической практике Кавказа»⁸⁵. Эта позиция представляется мне интересной и продуктивной в том числе и при анализе различных рассказов о Рахманкуле и басмачестве.

Напомню, что в советской историографии сложился взгляд на басмачество как на выражение интересов «байства, местной буржуазии и реакционного духовенства», хотя в силу отсталости региона в него была вовлечена часть «трудового дехканства»⁸⁶. В новой историографии Узбекистана оценка басмачества сместилась в сторону антиимперской и антисоветской критики. Согласно одной из здешних точек зрения, повстанческое движение начиналось с восстания 1916 года, когда попытки имперского правительства мобилизовать местное население на фронт вызвали массовое недовольство, которое переросло затем в более или менее организованное сопротивление большевизму, продолжившему колониальную политику⁸⁷. Некоторые исследователи, впрочем, предлагают не сводить это движение к борьбе с большевиками и видят в его рядах различные региональные, этнические, политические и даже криминальные группы, которые нередко противостояли друг другу и решали свои собственные задачи⁸⁸. Для ученых Таджикистана тема басмачества пока находится в тени, а в их оценках преобладает мнение, что это была «стихийная народная реакция на безвластие»⁸⁹.

⁸⁵ Grant B. An Average Azeri Village. P. 709, 731.

⁸⁶ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 182, 183.

⁸⁷ В этой логике написаны разделы книги «Туркестан в начале XX века». См. также: Раджапов К.К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918—1924 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 2005.

⁸⁸ См., например: Алимова Д.А. История как история, история как наука. Ташкент: Узбекистан, 2008. Т. 1. С. 60, 61.

⁸⁹ Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана: Из истории среднеазиатской миграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 114, 115.

Все эти мнения имеют под собой основания, и всегда можно найти факты, которые их подтверждают. Но меня в данном случае интересует не взвешивание на весах, кто прав или виноват, не реконструкция истинной истории и не поиск какой-то одной правильной объяснительной модели. Вслед за Брюсом Грантом я ставлю вопрос о том, каким образом местное население вспоминает о тех событиях, *что* оно видит или не видит, *что* акцентирует или забывает, *какие* образы, представления, интересы обнаруживаются, когда речь идет о прошлом.

В тех рассказах о Рахманкуле, которые я слышал в Ошобе, не было какого-то сакрального плана (хотя, возможно, мне просто не повезло его найти⁹⁰). Курбаши не принадлежал к сословию «потомков святых», и жители кишлака воспринимали его как обычного человека. В некоторых рассказах были мифологические образы, но они не составляли основы нарратива. Тем не менее подход Гранта вполне приложим к моему случаю. Только я бы заменил сакральный контекст на локальный, с позиции которого ошобинцы видели и оценивали происходившее совсем иначе, нежели это делалось и делается в официальных историях басмачества, когда рассуждают об экономике, революции, классовой или национальной борьбе и так далее. Для жителей кишлака при описании и оценке Рахманкула важны обстоятельства, которые не видны внешнему наблюдателю: происхождение, родственные связи, наличие или отсутствие поддержки со стороны влиятельных семей, следование определенным нормам поведения, особенно по отношению к женщинам, защита интересов Ошобы. Можно предположить, делая поправку на более поздние искажения, что такое же местное восприятие господствовало и тогда, когда все эти события разворачивались в реальности. Люди участвовали в них на стороне басмачей либо на стороне их противников, или переходили с одной стороны на другую, или оставались нейтральными не по какой-то одной схеме, а согласно множеству частных соображений, которые им приходилось осознанно или неосознанно учитывать.

Я бы лишь добавил к той позиции, которую обозначил Грант, что местный нарратив не был полностью закрытым и независимым от

⁹⁰ Когда речь идет, допустим, о «потомках святых», живущих в Ошобе, сакральный план возникает (см. Очерк 8).

ОЧЕРК ВТОРОЙ

внешнего воздействия — мы должны учитывать и изучать такого рода воздействия и пересечения с официальными нарративами. Репрессии против тех, кто был причастен к басмачеству, сформировали особый язык оправдания и осуждения Рахманкула. В местных преданиях ошобинский лидер действовал в интересах сообщества, но нарушил договоренности и был неизбежно, а значит, справедливо наказан. Этот язык позволял в случае необходимости гибко использовать историю басмачества и для доказательства своей осособности (за жителями Ошобы закрепилось полужутливое прозвище басмачей), и для выражения лояльности советской идеологии.